

Ифигения в Тавриде. Иоганн Вольфганг Гёте

Драма

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Ифигения.

Фоант, царь Тавриды.

Орест.

Пилад.

Аркад.

Место действия — роща перед храмом Дианы.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Ифигения

Под вашу сень, шумливые вершины

Священной многолиственной дубравы,

Как в храм богини, полный тишины,

Я и сегодня с трепетной душой

Вхожу, как в первый раз сюда входила,

Не поборов смущенья своего.

Немало лет меня здесь укрывает

Незыблемая воля божества,

Но я чужая здесь, как в первый год!

Ах, морем я разлучена с родными!

Стою часами на кремнистом берегу,

Томясь душой по Греции любимой,

И вторят волны горестным стенаньям

Одними лишь раскатами глухими.

Увы тому, кто вдалеке от близких

Жить обречен! Ему печаль сдувает

С молящих губ все радости земные

И вдаль относит помыслы его,

Под отчий кров, где для него когда-то

Луч солнечный блеснул на небе, где

Сплелся так тесно круг единокровный

Сестер и братьев милых за игрой.

С богами не тягаюсь я, но как

О доле женской не скорбеть душой?

И в доме, и в походах правит муж,

Он духом на чужбине не скудеет,

Добычей и победой упоен,

И славной смертью подвиги венчает.

Как узок слабой женщины удел!

Покорствовать суровому супругу

Ей честь и радость! Горе, если рок

Ее уносит в край чужой и дикий!

Меня Фоант, муж честный, держит здесь

В священных, но суровых узах рабства.

Как я стыжусь признаться, что служу

Лишь с тайным ропотом тебе, богиня,

Заступница моя! Всю жизнь отдать

Тебе я обещалась добровольно!

Как встарь, и ныне, строгая Диана,

Я робкие надежды возлагаю

Лишь на тебя, чья властная десница

Уберегла отверженную дочь.

О дочь Зевесова! Коль славный муж,

Твоим веленьем — дочь отдать — смиренный,

Коль он, богоподобный Агамемнон,

Любимицу на твой алтарь принесший,

От стен поверженных державной Трои

С победою на родину вернулся,

Коль сберегла ему, как лучший клад,

Ты сына, и Электру, и супругу,

Так возврати же и меня родимым!

Спаси меня, как некогда от смерти,

От здешней жизни, этой смерти худшей.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Аркад

Царь шлет меня сюда, чтоб передать

Тебе, Дианы жрица, свой привет!

Сегодня вся Таврида чтит богиню

За дивную победу над врагом!

Спешу, опередив царя и войско,

Всем возвестить о близком их возврате!

Ифигения

Достоинo встретим войско и царя!

Богиня наша на благою жертву

От рук Фоанта взглянет благосклонно!

Аркад

О, если бы и взор пречистой жрицы,

Достоинoй, почитаемoй, твой взор,

Святая дева, просветлел однажды,

Нам добрый знак являя! Но полна

Душа твоя неизъяснимoй скорби.

Напрасно мы доверчивoе слово

Из уст твоих услышать ожидаем!

Нет! С той поры, как здесь тебя я помню,

Все тот же взор меня томит молчаньем:

Душа твоя железными цепями

Прикована ко дну твоей груди.

Ифигения

Так подобает сироте в изгнанье.

Аркад

Себя ты называешь сиротой?

Ифигения

Чужбина разве родиною станет?

Аркад

Чужбиной стала родина тебе.

Ифигения

И потому кровоточит душа.

На утро дней, едва сроднилось сердце

С отцом и матерью, с сестрой и братом,

Едва ростки, и радостно и дружно,

От вековых стволов под купол неба

Ввысь поднялись, — как поразило вдруг

Меня проклятье древнее: с родными

Рок разлучил меня, рукой железной

Порвав союз сердечный. Не вернуть

Ни дней веселых, ни благого восхода

Влечений первых. Пусть я спасена,

Здесь — только тень моя, и свежий цвет

Благоуханной жизни не воскреснет.

Аркад

Когда себя ты столь несчастной мнишь,

Я назову тебя неблагодарной.

Ифигения

Я благодарна.

Аркад

Нет, за благодарность

Совсем иную мы благотворим —

За ясный взор, в котором радость светит,

Признательность хозяину видна.

Когда судьбы таинственная воля

Тебя в наш храм нежданно занесла,

Фоант, как вестницу богов, с радушьем,

С благоговеньем чужестранку встретил,

И берег наш приютом стал тебе,

Столь гибельный для прочих чужеродцев.

До этих пор пришелец иноземный

Был обречен кровавой жертвой пасть

На ступенях пред алтарем Дианы.

Ифигения

Поверь, дышать — еще не значит жить!

Иль это жизнь, когда ее проплакать

Обречена я в храме, словно тень

Над собственной могилой? Как назвать

Мне светлой жизнью это прозябанье,

Где каждый день, в мечтаньях проведенный,

Меня к чреде тех тусклых дней готовит,

Что на Летейском бреге хор почивших

В самозабвенной горести влачит.

Без пользы жизнь — безвременная смерть.

И этот женский жребии стал моим.

Аркад

Столь гордое собою недовольство

Прощаю я, хоть и скорблю душой,

Что этим жизнь веселья ты лишаешь.

Ты ль ничего в стране не совершила?

А кто рассеял скорбный дух царя?

Кто древний наш безжалостный обычай,—

Чтоб каждый пришлый в капище Дианы

Жизнь оставлял свою, — из года в год

Удерживает кротким увещаньем?

Кто пленников спасал от лютой смерти,

Им помогал на родину вернуться?

Не предпочла ль заступница Диана

Кровавым жертвам грозной старины

Твои молитвы? Не внимала ль им?

Иль вслед за войском в радостном полете

Победа не спешит быстрее, чем встарь?

Не лучше ли для каждого стал жребий

С тех пор, как царь, нас доблестно и мудро

К победам ведший, ныне стал доступен

И милости благодаря тебе,

Тем облегчивши долг повиненья?

Иль это бесполезно — орошать

Сердца столь многих сладостным бальзамом?

Иль мало слыть целебным родником

Для обновленного тобой народа?

Иль мало здесь, на берегу жестоком,

Пришельцам благо и возврат готовить?

Ифигения

Содеянное, верь мне, так ничтожно

Перед обильем несвершенных дел.

Аркад

Но прав ли тот, кто дел своих не ценит?

Ифигения

Презреннее, кто слишком ценит их.

Аркад

И тот не прав, кто ценного не видит

И кто бесценным все увлечен.

Доверься мне, прислушайся к тому,

Кто был тебе всегда душевно предан:

Когда с тобою царь заговорит

Сегодня, облегчи ему признание.

Ифигения

Меня страшишь ты каждым добрым словом!

Как часто я его бежала чувств!

Аркад

Обдумай все, все взвесь и рассуди:

С тех скорбных пор, как царь утратил сына,

Немногих он доверием дарит,

Крамолы ждет и от вельмож ближайших,

В их сыновьях порой подозревает

Преемника! Царя пугает старость

Беспомощная, может быть, мятеж

Открытый и безвременная гибель.

И все-то, скифы, мы не говорливы,

А царь наш и подавно. Он привык

Повелевать и понуждать к делам,

Не знает он искусства речь вести

Издалека и доводить до цели.

Так не смущай царя непониманьем

Притворным иль уклончивым ответом,

А ласково иди ему навстречу,

Ифигения

Ужель угрозу торопить самой?

Аркад

Ты сватовство царя зовешь угрозой?

Ифигения

Страшнейшею из страшных для меня.

Аркад

Ответь доверьем на его призыв.

Ифигения

Пусть только прежде страх во мне уймет он.

Аркад

Зачем таишь, откуда родом ты?

Ифигения

Затем, что тайна жрице подобает.

Аркад

Перед царем и тайны не таят.

Не требуя признаний, царь душою

Своей высокой чует слишком ясно,

Что ты пред ним опасно таишься.

Ифигения

И он в досаде, в гневе на меня?

Аркад

Боюсь, что да. Он о тебе молчит,
Но по словам, случайно оброненным,
Сужу, что царь уже давно решил
Тобою овладеть. Так не бросай
Его назад в смятение! Не дай
В груди его созреть негодованью,
Чтоб слишком поздно не корила ты
Себя за глухоту к моим советам.

Ифигения

Как? Иль затеял царь, чего покуда
Никто, в ком честь жива, кому почтенье
К богам бессмертным охлаждает кровь,
Не смел помыслить? Как? У алтаря
Меня схватить и силой влечь на ложе?
Коль так, я воззову к богам, к Диане,
Богине стойкой! Пусть она отмстит
Предерзкому за поруганье жрицы
И, дева деве, помощь мне подаст.

Аркад

Свой страх оставь! Не молод царь, и кровь
В нем не играет; не толкнет она
Его на путь греховный. В страхе жду
Иной жестокости от государя —
Он совершит ее без промедленья,
Ибо душою тверд и непреклонен.
Хотя б доверьем подари Фоанта,
Раз большего ему не в силах дать.

Ифигения

О, все скажи, что ведомо тебе!

Аркад

Гадать не будем. Вот подходит он!
Ты чтишь царя, так долгу подчинись
И встретить его с доверием и лаской.
За кроткой женской речью честный муж

Идет охотно.

Ифигения

(одна)

Хоть не знаю я,

Как следовать разумному совету,

Но поступлю, как долг велит: ему

На милости отвечу добрым словом.

И да удастся мне сказать Фоанту

Угодное, не порывая с правдой.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Ифигения. Фоант.

Ифигения

Дарами царскими да отличит

Тебя богиня! Радостной победой,

Богатством, славой дома твоего,

Осуществленьем праведных надежд!

Пускай за то, что ты радел о многих,

Тебя и счастье многим предпочтет.

Фоант

С меня довольно и хвалы народной:

Мои деянья более другим,

Чем мне, на пользу. Тот счастливей всех,

Будь царь он или нищий, кто обрел

Благую долю под родимым кровом.

Ты скорбь душевную со мной делила

В тот час, как вражий меч меня лишил

Последнего, достойнейшего сына.

Покуда месть душой моей владела,

Пустыней не казался мне дворец.

Но вот, когда вернулся я с победой,

Их царство пало и мой сын отмщен,

Все во дворце мне сделалось постыло.

Ретивая покорность, что в любом

Я прежде взоре видел, омрачилась

Тревогами и тайным недовольством.

Все думают о будущем с тоской

И служат мне, бездетному, неволей.

Но вот иду я к храму, где не раз

Молился я богине о победах

И за победу чтил ее, а в сердце

Царит одно желанье, для тебя

Оно едва ли ново: я решил —

Себе на счастье и стране на благо —

Ввести тебя невестой в мой дворец.

Ифигения

Чрезмерна для безвестной, государь,

Такая честь! Изгнанница стоит

Перед тобой в смущенье. Ведь искала

Она лишь крова — и его нашла.

Фоант

Что в тайну ты рядишь свое прибытие,

Таишься от царя и от людей,

Повсюду порицалось бы, поверь.

Наш берег пришлым страшен: так велит

Закон и осторожность. Но от той,

Кому приют мы дали, милой гостьей

Своей признав, от той, чьи дни текут

У нас и безмятежно и привольно,

Казалось бы, — за преданность и верность, —

Я вправе ждать доверья и любви.

Ифигения

Царь! Если я от всех таила имя

Мое — тому причиной лишь боязнь

Приют утратить. Если бы ты знал,

Кто пред тобой, какой главе злосчастной

Мирволишь ты, быть может, вещей страх

Твой дух высокий трепетом наполнил,

Не приглашал бы ты меня с собою

Престол делить, а из страны своей

Изгнал бы и, отвергнутую, бросил

До дня, как ей на родину вернуться

Из горестных скитаний суждено, —

В нужду и беды, что — увы! — повсюду

Изгнанников, скитальцев бесприютных,

Грозь рукой костлявой, стерегут.

Фоант

Каков бы ни был приговор богов

Над пращуром твоим иль над тобою,

Я вижу ясно: с той поры, как ты

Живешь здесь на правах желанной гостьи,

Нас небеса не раз благословляли.

Так как же мне поверить, что приют

Главе преступной предоставил я?

Ифигения

Ты награжден за милость, не за гостью.

Фоант

За милость к несчастливцам нет награды,

А потому в молчанье не упорствуй.

Об этом просит не бесчестный муж,

Моим рукам ты вверена богиней!

Как божеству, священна ты и мне!

Пусть боги явят знак: он для меня —

Закон. И коль на родину возврат

Тебе сужден, я року подчинюсь.

Но если этот путь тебе заказан,

Твой род рассеян по свету иль вовсе

Несчастьем небывалым истреблен,

Тогда по всем законам ты моя.

Откройся мне! Я слову буду верен.

Ифигения

Как трудно нам сорвать печать молчанья

С пугливых уст, открыться наконец

В том, что хранилось в тайне. Ибо, раз

Поведанная, тайна навсегда

Покинула глубины сердца, чтобы

Бредить иль врачевать, как бог пошлет...

Так знай же! Я из Танталова рода.

Фоант

Как просто говоришь ты о величье.

Ты пращуром зовешь того, кто ведом

Всем на земле как избранник богов,

Когда-то милый им! Ведь это Тантал

Был Зевсом зван к совету и столу

Как равный гость! В его реченьях вещей

Отраду находили олимпийцы,

Как в мудрости оракулов святых,

Ифигения

Все это так, но боги не должны

Как с ровнею общаться с земнородным:

Он слишком слаб, чтоб голова его

От непривычной выси не вскружилась.

Предателем презренным не был он,

Но для раба велик, а для общенья

С бессмертными лишь человек. Так был

И грех его лишь человечесен. Строг

Бессмертных суд! Поется в песнях: гордость

И вероломство от стола богов

Его низвергли в Тартар на мученья,

Потомки ж были прокляты его.

Фоант

За их грехи иль за гордыню предка?

Ифигения

Стан мощный и пытливый ум титанов

Хоть и дарован вечными в удел

Его сынам и внукам, но сковал

Вокруг чела потомков обруч медный

Нещадный бог: терпенье, благостыню

Он скрыл от их дышащих гневом глаз.

Неистовы порывы были их,

Ни граней, ни удил они не знали!

Уже Пелопс, безудержный в страстях,

Сын Тантала любимый, приобрел

Убийством и предательством супругу,

Дочь Эномая — Гипподамию.

Двух сыновей родит она Пелопсу —

Фиеста и Атрея. С завистью

Следят они, как подрастает брат,

Отца любимец, плод другого ложа...

Их ненависть связует, и тайком

Они свершают грех братоубийства.

Убийцей царь клеймит свою супругу

И грозно требует вернуть ему

Любимца-сына. Гипподамия

Себя лишает жизни...

Фоант

Ты молчишь?

Доверься до конца мне, говори!

Ифигения

Блажен, кто с чистым сердцем предков чтит,

Кто с гордостью о доблестях и славе

Их возвещает, радуясь в душе

Столь дивную, достойную чреду

Собой продолжить. Создает не сразу

Род ни чудовище, ни полубога.

Лишь долгий ряд достойных иль дурных

Дарует миру ужас иль отраду

Безмерную. Как только царь Пелопс

Преставился, Фиест с Атреем править

Страною стали. Долго не могло

Согласье длиться. Осквернил Фиест

Атрея ложе. Оскорбленный брат

Его изгнал из царства. Но Фиест,

Предвидя черный день, давно похитил

У брата сына и его тайком,

Как своего, растил в кругу родимом.

И, напоив его желаньем мести,

Во град Атреев тайно подослал

Убить царя — ему ж отца родного!

Был умысел раскрыт. К ужасной казни

Царь присудил несчастного, считая,

Что сына братнего казнит. Узнал

Он слишком поздно, кто пред мутным взором

Его замучен был. И, алча мести,

Он в тишине задумал совершить

Неслыханное! Кротким, примиренным

Прикинувшись, он изгнанного брата

С двумя детьми на родину призвал;

А там, схватив детей и заколов,

Ужасную и мерзостную пищу

На первом же пиру поднес Фиесту!

И лишь Фиест своей родимой плотью

Насытился, как грусть его взяла;

Стал спрашивать о детях, мнил, что слышит

Их голоса, их милые шаги

За дверью залы. Но Атрей со смехом

Метнул в него кровавой головою!

Ты в ужасе лицо отводишь, царь?

Так лик свой солнце отвернуло древний

И изменило бег своей квадриги...

Вот прародители злосчастной жрицы!

А сколько горестных мужских судеб,

А сколько дел безумных скрыла ночь

Под тяжкими крылами, разрешая

Лишь в жуткий сумрак всматриваться нам!

Фоант

И ты их скрой в молчанье! Хватит с нас

Признаний страшных! Но поведай, как

Ты привилась на этом диком древе?

Ифигения

Атреев старший сын был Агамемнон.

Он мне отец. Но не стыжусь признаться,

Что видела в нем с ранних детских дней

Достойнейшего мужа образец.

От брака с Клитемнестрой родилась я,

Как первый плод любви, за мной Электра.

Царь правил мудро. Танталову дому

Был краткий мир дарован. Одного

Для счастья их недоставало — сына!

И вот едва желание сбылось

И стал расти меж двух сестер Орест,

Любимец, как нежданная беда

Над безмятежным домом разразилась!

Весть о войне достигла и таврийцев.

Для отомщенья за увод Елены

Вся мощь отважных греческих племен
К стенам троянским двинулась. Взята ль
Войсками Троя, увенчала ль месть
Их бранный путь? Не ведаю. Над ратью
Начальствовал отец. В Авлиде тщетно
Войска попутных ветров ждали. В гневе
На их вождя, Диана задержала
Спешащих в грозный бой, через Колханта
Потребовав дочь старшую царя.
Нас с матерью они в свой стан зазвали!
Схватили, положили на алтарь
Меня, злосчастную! Смягчилось сердце
Дианы. Кровь отвергши, унесла
Меня богиня, облаком укутав.
Здесь, в храме, я очнулась от забвенья.
Да, это я, я, Ифигения,
Атрея внучка, дочь Агамемнона,
Богини недостойная раба.
Фоант
Почтенья большего я не воздам
Царевне, чем воздал уже безвестной!
Я повторю свою былую просьбу:
Доверься мне, поделим власть и счастье.
Ифигения
Как, государь, на этот шаг решиться?
Иль не богиня, спасшая меня,
Моей судьбой одна располагает?
Она меня снесла под этот кров
И, может быть, хранит здесь для отца,
Наказанного видимостью горя,
Чтоб скрасить старость скорбную его?
Как знать, не близится ль возврата час?
А я, ее путей не зная, дерзко
Себя свяжу, наперекор богине.
Молю о знаке — и тогда останусь.
Фоант
Знак уже в том, что ты покуда здесь.
Не измышляй же робких отговорок.

Напрасно прибегаешь к многословью,

В них краткое лишь различаю: нет.

Ифигения

Не для отвода глаз я говорила,

Все сердце я открыла пред тобой!

Иль сам не видишь ты, как это сердце

К отцу и к матери, к сестре и брату

Навстречу рвется в страхе и тоске?

О, если б радость наш дворец микенский,

Где грусть-тоска еще лепечет имя

Мое, как при рождении младенца,

Венками разукрасила нежданно!

Дай мне корабль, я возвращусь к любимым!

Дай мне, воскреснув, милых воскресить!

Фоант

Что ж, возвращайся! Сердцу подчинись!

Замкни свой слух для голоса рассудка

Холодного. Будь женщиной вполне!

Влеченьям уступи! Пускай играют

Они тобой, как утлым челноком!

О женщины, когда вас страсть пронзит,

Нет уз священных вас остановить

Обманщику по первому же знаку

Отдаться, бросив мужа и отца,

Но, коль в груди не разгорится пламя,

Напрасно будет праведно греметь

Увещеваний золотой язык.

Ифигения

Не забывай же, царь, о слове данном!

Иль так ты за доверье платишь? Все,

Казалось, ты услышать был готов.

Фоант

К нежданному я не был подготовлен —

И в том моя ошибка: знал же я,

Что с женщиной иду я говорить.

Ифигения

Не порицай наш бедный женский род,

Не как у вас блестящи, но чисты

И благородны женские доспехи.

Верь, в этом деле я тебя правей,

В чем счастье твое, я знаю лучше,

Ты ж, ничего не ведая о нас,

Считаешь: этот брак нас осчастливит —

И в добром рвенье, с доброю надеждой

Ждешь от меня покорности немой.

Но боги мне решимость даровали —

Спасибо им! — отвергнуть этот брак,

Не освященный их святою волей.

Фоант

Так сердце говорит твое, не бог!

Ифигения

Чрез наше сердце боги говорят.

Фоант

А разве я не вправе им внимать?

Ифигения

Их тихий голос страсти заглушают!

Фоант

Иль только жрицам внятен голос их?

Ифигения

Нас слушались цари спокон веков.

Фоант

Сан жрицы и наследственное право

На Зевсов стол тебя роднят с богами,

А я дикарь лишь земнородный...

Ифигения

Так

Плачусь я за доверие к тебе?

Фоант

Я человек. Ненужный спор оставим!

Я порешил: будь жрицей, как была,

Служи богине, избранная ею;

Мне ж да простится, что давно Диане —

Неправедно, не без упреков тайных —

Отказывал я в древних приношеньях.

Наш берег был злосчастен для пришельца.

Здесь исстари ему грозила смерть.

Лишь ты притворной ласкою своей,

В которой мне то дочери покорность,

То тихое влечение невесты

Порой так сладко грезились, как цепью,

Меня сковала, — и забылся долг!..

Ты совесть убаюкала мою!

Я ропота народного не слышал;

И вот толпа — все громче с каждым днем! —

Винит меня в нежданной смерти сына.

Я сдерживать кричащую о жертве

Толпу не стану больше для тебя.

Ифигения

Не о себе, поверь, я хлопочу.

Тот ложно судит о богах, кто мнит

Их падкими на кровь. Он переносит

На них свои же низкие влеченья.

Иль не спасла меня сама богиня?

Мое служенье любо ей — не смерть.

Фоант

Нам не к лицу судить об освященных

Обычаях увертливым умом,

Их толковать по прихоти рассудка!

Твой долг исполни, я исполню мой:

Двух чужеземцев мы нашли в пещере

У берега. Едва ль они благое

Для нас задумали. Они — в цепях.

Да примет в их лице твоя богиня

Возобновленную отныне жертву!

Я их пришлю. Ты знаешь службы чин.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Ифигения

(одна)

Ты, как прежде, дева-заступница,

Прячешь в тучах безвинно гонимых,

Силой ветра от грозного рока

Их уносишь через моря,

Через земные, дикие дали,
Чтоб укрыть их от умысла злого.
Ты, премудрая, видишь грядущее
И хранишь, что обрушилось в вечность,
И твой взор бодрит удрученных,
Словно луч ночного светила,
Здесь, над землею, бодро царящий.
Упаси мои руки от крови!
Не лишай меня мира и счастья!
Знаю, призрак случайно убитого
Будет невольного мучить убийцу,
В час недобрый его пугая.
Ибо бессмертные любят людского
Рода текущие в ночь поколенья
И охотно порой продлевают
Жизнь быстротечную смертным, охотно
Им дают небеса голубые
Лишний срок созерцать, упиваясь
Их красотой с бессмертными вместе.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Орест. Пилад.

Орест

Тропою смерти мы идем с тобою,
И с каждым шагом боль души смолкает.
Когда молил я бога злобный хор
Ужасных мстительниц, меня теснящий,
Отбросить в Тартар, Феб, казалось, помощь
Мне обещал в святилище любимой
Его сестры, Таврической Дианы,—
Так понял я божественный оракул.
И вправду: беды кончатся мои
Здесь — вместе с жизнью брэнной! — навсегда.
Не горько мне, кому стеснили дух
Бессмертные и омрачили разум,
С лучами солнца милого расстаться!
И если мне, как всем Атридам, смерть

В прославленном бою не суждена

И если я паду, как мой отец,

В крови, сравнявшись с жертвенным животным,

Пусть так! Уж лучше здесь, пред алтарем,

Погибнуть, чем, запугавшись в сетях,

Хитро сплетенных родичем-убийцей.

На время отступитесь, боги мщенья,

Что, как борзая свора, по следам,

Отмеченным неудержимой кровью,

С меня бегущей, гонитесь за мной!

Повремените! Я спускаюсь к вам:

Пусть солнце ни меня, ни вас не видит.

Земли зеленый радостный ковер —

Не для ночных чудовищ! Там, в Аиде,

Я отыщу вас: там единый рок

Нас свяжет, обреченных вечной ночи!

И лишь тебя, возлюбленный Пилад,

Моей вины безвинный соглядатай,

Так больно мне в страну печали звать

До времени! Жизнь или смерть твоя

Одни роднят меня с земной юдолью.

Пилад

Нет, мой Орест, еще я не хочу,

Как ты, в страну почивших низойти,

Еще надеюсь путаной тропею,

Казалось бы, ведущей в сумрак ночи,

С тобой прорваться к жизни светозарной!

О смерти думать? Нет! Я чутко жду,

Не уготовлены ль совет и путь

Богами для счастливого побега?

Что смерть? Страшись ее иль будь бесстрашен,

Она неотвратима. Но, клянусь,

И в миг, когда нам кудри срезать руку

Поднимет жрица, о спасенье лишь

Я думать буду! От дурных сомнений

Очисти свой дух! Отчаяньем опасность

Ты лишь умножишь! Помни: Аполлон

Нам обещал в святилище Дианы

Душевный мир, и помощь, и возврат.

В оракулах нет двойственного смысла,

Как мнится удрученному уму.

Орест

Иль жизни темный полог не простерла

Мать надо мной с младенческой поры?

Во всем подобен славному отцу,

Я подрастал, и мой безмолвный взор

Ей и любовнику служил укором.

Как часто я, когда сестра Электра

Сидела у ночного очага,

К ее коленам робко припадал

И широко раскрытыми глазами

Глядел, как убивается сестра...

Все об отце она мне говорила!

Как жаждал я увидеться с отцом,

Быть в Трое с ним, обнять его в Микенах!

И день настал...

Пилад

Пускай об этом часе

Ведут беседы духи полуночи,

А нас пусть дарят лучшие виденья

Минувшего отвагой для борьбы.

Богам угодно доблестных мужей

Служение на благо земнородным.

Ты доблестнее многих. Не хотели

Они тебя дать в спутники отцу,

Насильственно отосланному в Тартар.

Орест

О, если б я за край его одежды

Схватился и ушел за ним!

Пилад

Знать, боги

Радели обо мне. Я и подумать

Не смею, кем я был бы без тебя.

Лишь для тебя, для близости с тобой

Я жил с младенчества, живу поныне.

Орест

Не говори мне о поре чудесной,
Когда твой дом приютом стал моим
И благородный твой отец любовно
Отогревал росток полузамерзший,
А ты, неугомонный сотоварищ,
Как легкий пестрокрылый мотылек,
Без усталости вокруг темного цветка
Кружился, свет вливая в мрак душевный
И приобщая к радостям меня!
Там, позабыв о бедах, я с тобой
Порывам буйной юности отдался.

Пилад

Лишь полюбив тебя, постиг я счастье.

Орест

Постиг я горе, лучше бы сказал!
В том и судьбы моей проклятье злое,
Что всюду, как изгнанник зачумленный,
В груди ношу я смерть и запустенье.
В какой бы край здоровый ни вступал я,
Тотчас же на цветущих жизнью лицах
Приметы вижу медленного яда!

Пилад

Когда б твое дыханье отравляло,
Я первый был бы смерти обречен.
Но разве я не бодр, не смел душой?
А смелость и любовь — не крылья ли
Для славных дел?

Орест

Для славных дел? О да!

Мне памятно, как мы тянулись к славе,
Когда в горах лесистых мы вдвоем
Травили зверя и мечтали вслух,
С великим предком мощью костяка
Сравнявшись, мчаться с палицей в руках
Разбойнику вослед или дракону,
Иль по?д вечер на берегу морском,

Друг к другу прислонившись, отдыхали,

А пена волн лобзала наши ноги.

Как дальний мир тогда был близок нам!

Невольно мы хватались за мечи,

И в сумраке без счета проступали,

Как звезды, предстоящие дела.

Пилад

Неимоверен подвиг, о котором

Душа мечтает. Мы хотим дела

Свершить под стать величию вековому,

Каким их наделят лишь поколенья

И славословья пышные певцов.

Звучит так гордо подвиг наших предков,

Когда поет о нем под рокот арфы

Юнец в тени задумчивых дубрав.

А нам земные кажутся дела,

Как им когда-то, суетой сует.

Мы гонимся за тем, что нас бежит,

Пренебрегая собственной тропой,

Не замечая стершегося следа,

Оставленного предком на земле.

За призраком его летучей славы

Мы рвемся вслед, она ж, как божество,

Венчает горы лживой позолотой.

Мне жалок тот, кто смотрит на себя

Глазами благодарного потомства.

Нет, юный воин, прославляй богов,

Твоей рукой столь многое свершивших.

Орест

Пусть тот, кому высокое судили

Бессмертные: освободенье близких

От лютых бед, приумноженье царства,

Изгнанье ненавистного врага,—

Благодарит всевышних! Рок ему

Неоценимый жребий даровал.

Меня же боги палачом избрали,

Убийцей матери, мне все ж родимой,

Позорным отомстителем позора,

Чтобы казнить меня же! Я-то знаю:

Их цель — погибель Танталова дома.

И я погибнуть должен — не безвинно,

Но, как они, бесчестно!..

Пилад

Верь мне, боги

Не мстят потомкам за грехи отцов;

И злой и добрый — каждый за свои

Поступки получает воздаянье.

Наследуем мы лишь благословенья,

А не проклятья предков...

Орест

Иль сюда

Благословенье предков привело нас?

Пилад

Коль не оно, так воля божества.

Орест

И эта воля нас погубит здесь.

Пилад

Покорствуй горним силам и надейся!

Когда сестру вернешь ты Аполлону

И будет в Дельфах чтить ее народ,

Высокая чета вознаградит

Тебя за дивный подвиг и избавит

От рук подземных мстительниц. Смотри:

Их здесь, в священной роще, больше нет.

Орест

Знать, мне покой сужден в предсмертный час.

Пилад

Я по-иному волю их толкую,

Сопоставляя прошлое с грядущим,

И вывод мой, незыблемый, таков:

Богов великий замысел, быть может,

Годами зрел. Диана рвется прочь

От берегов жестокосердных скифов,

От их кровавых жертвоприношений.

Мы избраны богами совершить

Большое и вот уже стоим

С тобою у заманчивых преддверий.

Орест

Искусно ты решение богов

С желанными надеждами сплетаешь.

Пилад

Что значил бы наш разум, если он

Не схватывал бы воли всеблагих?

Для славных дел нередко божеством

Преступник избирался благородный,

Дабы свершил он подвиг несвершимый.

И он свершал его! Свой тяжкий грех

Он искупал, служа богам и миру.

Орест

Нет, если жить и действовать я должен,

Пусть боги с удрученного чела

Проклятье снимут, что стремится меня

На путь, забрызганный родимой кровью

И уходящий в Тартар! Пусть иссякнет

Родник, из раны материнской бьющий

Навстречу мне, чтоб обогреть меня!

Пилад

Будь терпеливей, друг! Иль, в неразумье,

Ты довершишь деянье фурий сам.

Пока держись в тени. Когда созреет

Мой замысел и общих наших сил

Потребуется, я обращусь к тебе,

И мы за дело, взвесив все, возьмемся.

Орест

Я слышу речь Улисса.

Пилад

Брось насмешки!

Облюбовать героя каждый должен,

Чтоб, с ним тягаясь, на Олимп взойти

Тропою недоступной. Признаюсь,

По мне, расчет и хитрость не позорят

Того, кто рвется к доблестным делам.

Орест

Я чту лишь тех, кто сердцем смел и прям.

Пилад

Я и не брал в советчики тебя!

Но первый сделан шаг. От нашей стражи

Мне выведать немало удалось.

Узнал я: воля девы богоравной

Сковала их безжалостный закон.

Лишь чистую молитву и куренья

Она к богам возносит; чтят ее

За доброту. По слухам, жрица родом

Из амазонок. Говорят, бежала

Она сюда, спасаясь от беды.

Орест

Но мощь сломилась чар ее святых,

Когда пришел преступник с тяжелой ношей

Проклятья, непроглядного, как ночь.

Кровавым благочестием закон,

Нам гибелью грозящий, восстановлен.

И нас сразит суровый гнев царя!

Дикарский нрав — не женщине смирить.

Пилад

На счастье нам, что женщина она!

Муж, самый добрый, властен приучить

Свой дух к жестокостям и часто зло

Провозглашает мерой и законом,

А там — глядишь — его и не узнать.

Лишь женщина привержена к стезе,

Раз избранной! Ей и в добре и в зле

Довериться мы можем. Но молчи!

Она идет! Оставь нас. Не хочу

Открыть ей сразу ни имен, ни нашей

Судьбы злосчастной! Скройся же пока!

Мы свидимся еще до встречи вашей!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Ифигения. Пилад.

Ифигения

Откуда ты и кто ты, чужеземец?

Сдается мне, скорее с греком схож,

Чем с скифом, ты и станом и лицом.

(Освобождает его от цепей.)

Опасную дарую я свободу;

Бессмертные да отвратят беду!

Пилад

О голос сладостный! Желанный звук

Родимой речи в чужедальнем крае!

Благой отчизны горы голубые

Я снова, пленник злополучный, вижу

Перед собой! Пусть выдаст радость эта

Тебе, что я из Греции, как ты!

На краткий миг я даже позабыл,

Что я в тебе нуждаюсь! Весь отдался

Душою я чудесному виденью!

Скажи мне, если рок не наложил

Печать молчанья на тебя, откуда

Ты родом, богоданная сестра?

Ифигения

С тобою жрица, от самой богини

Принявшая избранье, говорит —

Довольствуйся пока таким ответом.

Скажи мне: как необоримый рок

На этот берег выбросил тебя?

Пилад

Легко поведать мне, какие беды

Нас гнали, неотступные, сюда.

О, если б так легко и ты могла

В нас, богоравная, вселить надежду!

Из Крита мы, Адрастовы сыны:

Я младший сын, по имени Кефал,

А он — Лаодамант, среди Адрастидов

Старейший. Средний сын меж нами рос,

Суров и дик; согласие и мир

Он нарушал еще ребенком малым.

Мы матери безмолвно подчинялись,

Пока под Троей бился наш отец.

Когда ж с добычей возвратился он

И вскоре умер, тотчас злобный спор

За царство и наследство разгорелся.

Примкнул я к старшему. Он умертвил

Строптивца. За кровавый этот грех

Его терзают фурии теперь.

На этот дикий берег нас послал

Феб-Аполлон Дельфийский. В храме здесь

Он повелел нам у сестры его

Спасения от бедствий ожидать.

Нас полонили и свели к тебе

Для страшного закланья. Это все.

Ифигения

Так Троя пала? Сердце успокой!

Пилад

Да, пала. Успокой сердца и нам!

Ускорь спасенье, что сулили боги

Нам, горемычным! Брату пособи!

Скажи ему спасительное слово

И ласково изгнанника прими!

Прошу тебя! Поверь, он так легко

Печалям и больным воспоминаньям

О горестном злодействе поддается.

И тотчас же безумный бред его

Хватает, и прекрасная душа

Становится добычей хищных чудиц

Ифигения

Как ни ужасны горести твои,

Забудь о них, пока не скажешь все!

Пилад

Великий город, десять долгих лет

Достоин силы греков отражавший,

Повержен в прах и не восстанет вновь!

Но горькие утраты нам велят

О крае варварском со скорбью думать.

Там пал Ахилл с Патроклом благородным.

Ифигения

И вы, богоподобные, в пыли.

Пилад

И Паламед и доблестный Аякс

Не увидали родины любимой.

Ифигения

Он об отце молчит! Его пока

Средь павших не назвал он! Жив отец!

Еще мы свидимся! О сердце, жди!

Пилад

Блаженны те, кто сладость горькой смерти

Вкусили от нещадного врага!

Пустынный ужас и конец жестокий

Вернувшимся рассвирепевший бог

Взамен триумфов пышных уготовил!

Иль речь людская не доходит к вам?

Из края в край неслась худая весть

О горестных, несслыханных делах!

Ужель беда, потрясшая Микены,—

По ней не смолкли стоны и сейчас! —

Для вас осталась тайной? Клитемнестра

С Эгисфом благородного супруга

В день возвращенья подло умертвила!

Ты считаешь этот царский дом?

Я вижу, грудь твоя напрасно хочет

Мучительную боль перебороть!

Не дочь ли ты царева друга? Или,

Быть может, ты в Микенах родилась?

Прости меня за то, что первый я

Тебе поведал страшное деянье!

Ифигения

Как это все свершилось, говори!

Пилад

Лишь только царь вернулся из похода

И, искупавшись, повелел жене

Дать одеянье свежее ему,

Коварная губительную ткань,

Всю в складках, перепутанных стократ,

На голову накинула супругу.

Напрасно царь из роковых сетей

Пытался вырваться! Уже пронзил

Его Эгисф-предатель! Так сошел

К почившим царь — с челом, фатой покрытым.

Ифигения

А что сообщник получил в награду?

Пилад

Власть вместе с ложем, ведомым ему.

Ифигения

Так, значит, страсть на грех толкнула их?

Пилад

И чувство мести, зревшее в тиши.

Ифигения

Чем государь царицу оскорбил?

Пилад

Деяньем тяжким. Если извиненье

Убийству есть, так нет ее вины.

В Авлиду он царицу заманил,

И здесь, когда судам его Диана

Ветрами путь на Трою преградила,

Он дочь ей, первородную свою,

Сам на алтарь принес. Царевна пала

Кровавой жертвой эллинам на благо!

Вот почему царица злобой вся

Безудержной зажглась и, домоганьям

Эгисфа уступив, сама супруга

Губительною сетью оплела.

Ифигения

Довольно! Мы увидимся еще.

Пилад

(один)

Как видно, дома царского судьба

Ей сердце истерзала! Павший царь,

Наверно, был ей дорог. Знать, ее

Из славного сюда купили дома —

На счастье нам! Но тише, сердце, тише!

Дай мудро нам и мужественно плыть

Звезде надежды брезжащей навстречу.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Ифигения. Орест.

Ифигения

Несчастный, я с тебя снимаю цепи

В знак неизбежно-горестной судьбы!

Свобода, что даруется тебе,

Подобна загоревшемуся взору

Больного. Знай: она пророчит смерть!

Не смею, не хочу признать, что вы

Пропали безвозвратно! Мне ль обречь

Рукой кровавой вас печалю смерти?

Никто, кто б ни был он, пока служу

Диане я, коснуться ваших глав

Не смеет! Но когда я откажусь

Свершить обряд по царскому указу,

Царь наречет одну из дев моих

Преимницей. Чем поддержу тогда

Я вас, приговоренных? Лишь молитвой!

Земляк мой милый! И последний раб,

У очага родимого сидевший,

Нам дорог в чужедальной стороне!

Каким же мне встречать благословеньем

Вас, ожививших образы героев

Во мне, столь дорогие с колыбели,

Вас, сладостных надежд нежданной рой

В душе моей печальной воскресивших?

Орест

Умышленно ль от нас свой род и имя

Скрываешь ты? Иль я могу узнать,

Кто, как жилища неба, нам явилась?

Ифигения

Да, я откроюсь! Но скажи сперва,

Что я узнала лишь наполовину,—

Про гибель тех, вернувшихся из Трои,

Кого настиг неумолимый рок,

Безмолвно притаившись у порога.

Я девочкой попала в этот край,

Но не забыла, как пугливо я

В благоговейном ужасе взирала

На гордых тех героев! Шли они,

Как будто распахнулись небеса

И тени баснословные спустились

С Олимпа на погибель Илиону.

Прекраснее же всех был Агамемнон.

Скажи! Ужель, едва домой пришедший,

Он был женой погублен и Эгисфом?

Орест

Так это было.

Ифигения

Горе вам, Микены!

Проклятье за проклятьем Танталиды

Пригоршнями бросают в тьму времен!

Как травы сорные, тряся главами

И семена стократно расточая,

Они убийц единокровных внукам

Родят для вечной распри! Но открой,

Что из признаний брата от меня

Испуг застлал кровавой пеленою.

Как рода славного последний сын,

Беспечный мальчик, избранный судьбою

Быть мстителем отца, как избежал

Орест расправы? Или тот же рок

Его окутал неводом Аверна?

От смерти спасся ль он? Жива ль Электра?

Орест

Они живут...

Ифигения

О солнце золотое!

Дай мне лучи твои сложить к стопам

Зевесовым! Бедна я и нема!

Орест

Быть может, ты гостила в царском доме

Или сроднилась с ним еще тесней,

Как твой восторг прекрасный выдает,—

Тогда смирись душой и будь тверда!

Вдвойне печально, радости вкусив,

Отчаянью и горестям отдаться!

Ты знаешь лишь о смерти венценосца?

Ифигения

Иль не довольно этой вести мне?

Орест

Лишь половина бед тебе известна.

Ифигения

Чего мне ждать? Орест, Электра живы.

Орест

За Клитемнестру не страшишься ты?

Ифигения

Ей страх мой и надежды не помогут.

Орест

В стране надежд не увидеть царицы.

Ифигения

Иль кровь свою, отчаясь, пролила?

Орест

Нет, но своя же кровь ее сгубила.

Ифигения

Не говори загадками. Мне страшно!

Вкруг головы моей тысячекратно

Крылами бьет безвестная беда!

Орест

Иль я назначен прихотью богов

Быть вестником беды, что так хотелось

Мне схоронить в беззвучно-тусклой тьме

Подземной ночи? Нехотя склоняюсь

Пред волей уст твоих! Лишь для тебя

Я боль признанья вновь переживаю:

В тот день, как пал отец, Электра сына

Спасла от рук убийцы. Строфий взял,

Зять Агамемнона, в свой дом Ореста

И вместе с сыном воспитал своим.

Пиладом звался тот. Его с пришельцем

Чудесная соединила дружба.

Они росли, и крепло в них желанье

За подло умерщвленного царя

Злодеям отомстить. В чужой одежде

Они в Микены принесли молву

Печальную о гибели Ореста

И урну с прахом. Вестников царица

Учтиво приглашает во дворец,

И там Орест своей сестре открылся.

Электра пламя мести разожгла,

Уже истлеть готовое вблизи

От матери священной! Тихо брата

Она свела на место, где отца

Настигла смерть и еле зримый след

Его бестрепетно пролитой крови

Еще алел пророческим пятном.

На языке неутомимой злобы

Она ему твердила об убийстве,

О торжестве убийц неотомщенных,

О рабском жребии своем, о вечной

Опасности, что им теперь грозила

От матери, Эгисфовой жены.

И тут она дала ему кинжал,

Уже не раз разивший в этом доме.

И Клитемнестру сын ее убил.

Ифигения

Бессмертные, чьи радостные дни

На вечно юных облаках проходят!

Затем ли я вблизи от вас, благие,

Вдали от земнородных протомилась

Так долго за ребяческой игрой,

За раздуваньем пламени святого,

Затем ли я невинным сердцем здесь,

Как пламя, в безмятежной чистоте

Обители небесной растворялась,

Чтоб беды дома моего пусть позже,

Но тем ужасней пережить! Но как

Он, неутешный, как Орест живет?

Орест

О, если б мог ответить я: он умер!

Гневливо встал из крови пролитой

Дух матери

И крикнул дочерям подземной ночи:

«Не дайте преступнику ускользнуть!

Терзайте убийцу! Дарю его вам!»

Они глядят орбитами пустыми

С орлиной алчностью вокруг себя,

Они в берлогах черных оживают,

Из всех углов их спутники ночные,

Сомненье и Раскаянье, ползут.

Пред ними вьется Ахеронтов дым,

Встает в его медлительных клубах

Все то же нестерпимое виденье,

Преступника смущая и страша,

И, вправе сеять смерть, они ступают

На луг, покрытый божьими дарами,

Откуда их проклятье отлучило,

И с хохотом спешат за беглецом,

Чуть переждут и вновь его теснят.

Ифигения

Несчастный, сходный рок тебя настиг:

Ты чувствуешь, как тот беглец-страдалец.

Орест

Как — сходный рок? О чем ты говоришь?

Ифигения

Братоубийством осквернен и ты;

Твой младший брат поведал мне о том.

Орест

Я не хочу, чтоб ты, душа святая,

Обманута была признаньем ложным.

Хитросплетенье лживое чужому

Чужой бросает, к кривде приучен,

Петлю под ноги. Меж нами здесь

Да будет правда!

Знай! Я Орест. Преступной головою

Клонюсь к могиле я и смерти жду.

Во всех обличьях мне она желанна,

Безвестная! Тебе и другу я

Желаю возвращенья — не себе.

Ты, вижу я, живешь здесь против воли:

Так в добрый путь! А я останусь здесь.

Пусть со скалы низринется мой труп!

Пусть кровь моя, пролитая в пучину,

Проклятье диким скифам принесет!

Бегите! Там, на греческой земле,

Вы жизнь начнете сызнава свою.

(Удаляется.)

Ифигения

Так ты ко мне спускаешься, Свершенье,

Святая дочь зиждителя вселенной?

Как грозен твой неуследимый вид!

Едва доходит взор до рук твоих,

Несущих с олимпийской высоты

Кошницу с ароматными плодами.

И как царя по дорогим дарам

Мы узнаем (ему ничтожным мнится,

Что для других — богатство), так богов

Распознают по мудрым и благим,

Заранее обдуманым даяньям.

Вы знаете, чем смертных одарить!

Вы видите грядущего предел,

От нас сокрытый звездным хороводом

Или туманом! Вы мольбам спокойно

Внимаете, вас торопящим дать

Желанное! Но не сорвет рука

Бессмертного плодов, еще не зрелых.

Увы тому, кто хочет горький сок

Вкусить до урожая, смерти вкус

Не различив! Не дайте ускользнуть,

Как мертвой тени, радости нежданной,

Вдруг посетившей, бедную, меня!

Вдвойне меня утратой не казните!

Орест

(вновь приближаясь к ней)

Ты за себя молись и за Пилада,

Не оскверняясь именем моим!

Иль, не спася убийцу, призовешь

Проклятие и беды на себя.

Ифигения

Моя судьба с твоей неразлучима.

Орест

Нет, нет! Дозволь сойти без провожатых

Мне в царство мертвых! Не стремись фатой

Проклятого убийцу заслонить:

Не скрыть его от взора темных чудищ

Нет, близость непорочная твоя

Лишь оттеснит, но не прогонит их!

Они железной не дерзнут стопою

Ступить сюда, в святилище богини,

Но слышу я вдали, то здесь, то там,

Их нестерпимый хохот! Волки рыщут

Так возле дерева, где бедный путник

Скрывается. Они лежат и ждут

Убийцу! Чуть покину я твой кров,

Они, трясая змеиными главами

И прах взметая, ринутся за мной

И вновь добычу станут настигать!

Ифигения

Орест! Иль глух ты к дружескому слову?

Орест

Храни его для тех, кто друг богам!

Ифигения

Они тебя надеждами дарят.

Орест

Сквозь чад и дым я вижу тусклый блеск

Реки подземной, к аду уходящей!

Ифигения

Электра — не одна твоя сестра?

Орест

Одну я помню, старшую унес

Не злой, как мнилось нам, а добрый рок —

Досрочно! — от невзгод, наш дом потрясших

Оставь расспросы! К хору не примкни

Эриний ненасытных, что злорадно

Мне пепел с сердца бедного сдувают

И не хотят, чтоб угли догорели

Пожара, охватившего наш дом

В тот скорбный час! Иль жар не перестанет,

Старательно раздутый, адской серой

Накормленный, меня и жечь и мучить?

Ифигения

Я насыщу огонь куреньем сладким!

И пусть дыханье чистое любви

Тебе прохладой жар души остудит!

Орест любимый! Или ты не слышишь?

Ужель подземных мстительниц толпа

Так кровь твою, несчастный, иссушила,

Что расплзлось, как от главы Горгоны,

По разветвленным жилам омертвенье?

Но если голос крови материнской

Хрипящим стоном в ад тебя зовет,

Ужель молитва чистая сестры

Не призовет заступников с Олимпа?

Орест

Да! призовет и тем меня погубит!

В тебе одна из фурий притаилась?

Кто ты, чей голос так ужасно недра

Разворотил души моей злосчастной?

Ифигения

Должно быть, сердце сердцу весть дает,

Орест! Я Ифигения! Смотри:

Живая...

Орест

Ты?

Ифигения

Брат милый!

Орест

Прочь! Оставь!

Совет тебе: кудрей моих не трогать!

Не то они, как свадебный наряд

Креузы, вспыхнут пламенем нещадным.

Оставь меня! Хочу, как Гераклес,

Сам-друг с постыдной смертью здесь остаться.

Ифигения

Ты не погибнешь! Нет! О, если б ты

Одно лишь слово вымолвил спокойно!

Уйми мои сомненья! Не гаси

Всевышними дарованного счастья!

Мучений и восторгов колесо

Не устает кружиться! Я чужих

Мужей бежала; но душой и телом

Навстречу брату рвусь я дорогому!

Орест

Иль храм Лиэя здесь? Священный блуд

Хмельное сердце жрицы обуял?

Ифигения

Услышь меня! Ужель не видишь, как

Душа моя остывшая открылась

Блаженству и всему, что на земле

Осталось милого? Я поцелую

Чело твое! Руками, что хватали

Лишь зыбкий воздух, обойму тебя!

Склонись ко мне! Поверь: с вершин Парнаса

Светлей не льется плещущий ручей

С уступа на уступ ко дну стремнины,

Как брызжет счастье из души ожившей

И морем неги заливают мир!

Орест! Мой брат!

Орест

Прельстительная нимфа!

Тебе ль поверю и твоим речам?

Диана строгих держит здесь прислужниц

И оскорбителям святыни мстит.

Не трогай нежной ручкой грудь мою.

А если хочешь юношу нежданным

Спасеньем и любовью одарить,

Так обрати свой взор к Пиладу, другу

Достойному. Он бродит здесь вблизи

Тропою горной. Разыщи его

И обольсти. Меня же брось!

Ифигения

Опомнись, Несчастный брат! Пропавшую узнай!

Не унижай мою святую радость,

Ее порывом плоти не зови!

Сойди, безумье, с глаз его ослепших,

Дабы мгновенье высшего блаженства

Втройне не стало горестным! Я здесь!

Сестра твоя пропавшая! Ее

От алтаря похитила Диана

И в этот храм священный принесла!

Ты полонен, приговорен к заклятью,

И в строгой жрице вдруг сестру находишь.

Орест

Несчастливая! Пусть солнце видит ужас,

Последним посетивший этот род!

Зачем Электры нет? Пусть и она

Погибнет вместе с нами, не решаясь

Жить на земле для худшего мученья!

Так, жрица! Где алтарь твой? Я иду!

Братоубийство — принятый обычай

В роду Атридов! А богам — спасибо,

Что истребить — бездетного — решили

Они меня! И вот совет мой: солнце

И звезды ты безмерно не люби!

Иди за мной в мой беспечальный мир!

Как серой порожденные драконы

Клубок себе подобных пожирают.

Наш род безумный истреблял себя!

Бездетна и безвинна низойди!

Ты смотришь жалостно? Закрой глаза!

Так глядя, Клитемнестра путь искала

Незримый к сердцу сына своего.

Но взмах руки — и роковой клинок

Мать поразил! Сюда, немирный дух!

Вы, еврипиды темные, сюда!

Что ж, зрительницы алчные, идите

Взглянуть на страшный, на последний суд!

Не месть и ненависть точили нож,—

Сестра любвеобильная меня

Должна сразить! Не плачь! Безвинна ты!

С младенчества я никого на свете

Так не любил, как полюбил тебя!

Взмахни клинком! Нет, не щади меня!

Разверзни грудь мою и дай кипящим

Во мне ключам прорваться на простор!

(Падает в изнеможении.)

Ифигения

Одна нести отрады и печали

Не в силах я! О, где же ты, Пилад?

Дай мне опору, лучший из друзей!

(Уходит, ища его.)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Орест

(приходя в себя и поднимаясь)

Еще глоток! Еще воды летейской

Дай мне испить и утолить печали.

Я заглушу последний трепет жизни

В груди моей, и тихо потечет

Мой дух, волне забвенья подчиняясь,

К вам, тени мертвые, в туман подземный.

Примите в свой пленительный покой

Изгнанника земного благосклонно!

Но что за шепот бродит по деревьям

И что за шорох слышится во мраке?

Они идут на гостя поглядеть.

Что за толпа согласная ликует

Торжественно, как царская семья?

Шагает мирно, стар и млад, мужчины

И женщины, похожи на бессмертных

И друг на друга. Знаю: это вы,

Мои отцы и деды! Вот с Фиестом

Ведет Атрей душевную беседу,

И мальчишки резвятся возле них.

Так кончилась их древняя вражда?

Померкла месть, как луч земного солнца?

Тогда и я, отверженный, могу

К торжественному шествию примкнуть.

Привет, предтечи, вам шлет Орест,

Последний отпрыск в своем роду!

Он жатву снял с посева злого:

Неся проклятье, он к вам сошел,

Но легче здесь любая ноша!

Примите ж, предки, меня в свой круг!

Я чту Атрея, как чту Фиеста —

Мы все раздоры забудем здесь!

Отца мне покажите, только раз

Его я видел.

Отец мой! Ты ли?

И мать, я вижу, идет с отцом?

Раз Клитемнестра с тобою рядом,

То и Орест ее обнимет

И нежно скажет: «Пришел твой сын!

Пришел ваш сын! Его приветьте!»

Там, на земле, среди Атридов

Привет кинжалом вошел в обычай!

Знать, древний род титана Тантала

Вкушает радость лишь в царстве теней.

«Добро! — кричите. — Спускайся к нам!»

Ведите к предку меня теперь.

Где наш старейший? Хочу взглянуть

На лик любимый. Того увидеть,

Кто у бессмертных сидел в кругу.

Вы содрогнулись? Глядите долу?

Что это? Страждет богоподобный?

Увы! Я вижу: сонм бессмертный

Герою грудь сковал навечно

Железной цепью с муками ада.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Орест. Ифигения. Пилад.

Орест

И вы сошли сюда, к почившим?

Привет, сестра! Но где Электра?

Пусть милосердный бог отправит

Стрелю кроткой ее в Аид!

Лишь о тебе, мой бедный друг, жалею!

За мной, за мной! Пришельцам надо

Почтить Плутона, ночного бога!

Ифигения

Брат и сестра, дарующие людям

И днем и ночью лучезарный свет,

Незримый лишь одним бесплотным теням,

Подайте помощь брату и сестре!

Ты любишь брата своего, Диана,

Сильнее всех и на земле и в небе

И обращаешь девственный свой лик

К сияющему Фебу неизменно!

Не дай же и тому, кого нашла

Так поздно я, в безумье погрузиться!

И если ты изгнанью моему

Конец пророчишь близкий, если хочешь,

Чтоб мы друг другу бегство облегчили,

Сними проклятье с брата моего,

Не дай истечь спасительному сроку!

Пилад

Ужель не узнаешь ты этот храм

И этот луч, не мертвецам светящий?

И рук не чувствуешь сестры и друга?

Они согреты жизнью. Обними

Сильнее нас! Не тени мы пустые!

Послушай, что скажу я: одолей

Недуг свой! Драгоценны все минуты!

Возвратный путь висит на тонких нитях,

Сплетенных паркой, милосердной к нам.

Орест

Дай в первый раз в твоих объятиях чистых

Незамутненной радости отведасть!

Вы боги, пламенеющей стрелой

Пронзающие тучу грозовую

И дождь, иссохшим миром вожделенный,

Под гром, под свист и завыванье бури

С высот небесных льющие на землю,

Чтоб тут же страх, сковавший человека,

В блаженство обратить, его смятенью

Дать раствориться в светлом славословье,

Лишь только капли на ветвях повиснут,

И в каждой капле солнце отразится,

И легкоперстая Ирида тучи

Чертою многоцветной рассечет,

О, дайте мне в объятиях сестры

И на груди у друга дорогого

Священным счастьем вдосталь насладиться!

Проклятье миновало — вижу сам.

Чу! Евменид ужасная толпа

Спустилась в ад, и кованая дверь

Захлопнулась, вдали прогрохотав!

С земли восходит благовонный пар,

И манит вдаль, ожившего, меня,

И к радостям и подвигам взывает.

Пилад

Не будем медлить! Время на счету!

Пусть ветер, раздувающий наш парус,

К Олимпу вознесет твою молитву!

Скорее! Здесь судьбу решает миг!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Ифигения

Боги, решившие

Смертного грешника

Тяжкой бедой покарать,

Уготовить ему

От печалей к веселью,

От веселья к печалям

Переход, сотрясающий дух,

Берегут для него —

Тут же, в граде родном,

Иль в краю чуждедальнем —

Друга с ясным челом,

Чтобы помощь подать

В грозный час тот сумел!

Благословен всевышними Пилад

И помыслы разумные его!

Десница юноши — в пылу боев,

Он — око старца мудрое в собраниях,

Ибо душою тих; он в ней хранит

Спокойствия неистошимый дар

И в силах нам, мятущимся, подать

Из недр ее покой и помощь! Так

Он оторвал меня от брата! Я

Все на него глядела, умиляясь,

Все не могла сродниться с счастьем, все

Из рук его не выпускала, будто

И не было грозившей нам беды!

Но вот идут они, во исполненье

Задуманного, к морю, где корабль,

С товарищами, в бухте притаившись,

Их знака ждет! Они в уста вложили

Мне речи хитрые, чтоб знала я,

Как отвечать царю, когда на жертве

Настаивать он будет. Вижу, мной

Руководить, как девочкою, надо.

Не научилась правду я таить

Иль прибегать к измене. Горе тем,

Кто лгать приговорен! Ложь не дает

Избавиться от гнета, как любое

Правдивое признанье. Не бодрит,

Страшит она ее кующих тайно;

Стрелой стремительной, рукою бога

Повернутая вспять, она летит

Сразить стрелка! Забота за заботой

В уме проносится! Быть может, брат

Вновь фурией настигнут, лишь коснулся

Стопою он земли неосвященной?

Иль схвачены они? Я слышу ясно

Шаги вооруженных! Нет, то вестник

Фоанта приближается сюда.

Забилось сердце! Знать, душа смутилась,

Достойного завидев человека,

Которому я лгать принуждена.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Ифигения. Аркад.

Аркад

Не медли, жрица, жертву принеси!

Царь ждет ее и требует народ.

Ифигения

Исполнила б я царский приговор,

Когда б нежданное не встало вдруг

Препятствие меж мною и обрядом.

Аркад

Что царскому перечит повеленью?

Ифигения

Лишь случай, а над ним мы не вольны.

Аркад

За чем же дело стало? Я с ответом

Спешу к царю. Он порешил их смерть.

Ифигения

Ее еще не порешили боги.

На старшем из мужей лежит вина.

Он кровь, ему родимую, пролил,

И еврипиды гонятся за ним;

В священном храме даже злой недуг

Его настиг. Присутствием своим

Он святость места осквернил. Немедля

Я с девами пойду на берег моря

Омыть в волнах богини изваянье,

Как таинство священное велит!

Непосвященный да покинет нас.

Аркад

Я сообщу царю об этом новом

Препятствии, ты ж, дева, удержи

Обряд, пока согласишься не получишь!

Ифигения

Обрядами располагает жрица.

Аркад

Ужели царь и знать о том не должен?

Ифигения

Его приказ в таких делах — ничто!

Аркад

Хотя б для виду спроси царя!

Ифигения

Не вынуждай согласишься: я тверда.

Аркад

Хоть в добром не отказывай царю!

Ифигения

Я уступаю; но ускорь ответ.

Аркад

Я в царский стан доставлю эту весть

И не замедлю с ней прийти обратно!

О, если б я ушел с другою вестью,

Способною все беды разрешить!

Но ты советы друга отвергаешь.

Ифигения

Все, что могла, я совершила, друг!

Аркад

Еще не поздно слово изменить.

Ифигения

Не в нашей власти изменять его!

Аркад

Ты невозможным трудное считаешь.

Ифигения

А ты возможной гживую мечту.

Аркад

Ужель на все пойдешь, не содрогаясь?

Ифигения

Все судьбы я доверила богам!

Аркад

Они людей людской рукой спасают.

Ифигения

Все на земле решает перст богов!

Аркад

Так знай же: их судьба в твоих руках.

Лишь гнев рассвирепевшего царя

Пришельцам горькую готовит участь.

Дружина о кровавых приношеньях

Богине отучилась помышлять.

Ведь не один, кого злосчастный рок

На чуждый берег вынес, сам познал,

Каким небесным чудом кроткий лик

Тем кажется, кого смущали беды

В неведомой, жестокой стороне.

О, не лишай нас благодати своей!

Ужель не завершишь великих дел?

Нигде не может кротость, что с небес

В людском обличье к людям низошла,

Быстрее строить, чем в стране дикарской,

Где племя юное в расцвете сил,

Без помощи сторонней, груз тяжелый

Юдоли человеческой несет.

Ифигения

Не потрясай души моей, когда

Не властен ты душою управлять.

Аркад

Пока не поздно, не хочу скупиться

Ни на советы, ни на увещанья.

Ифигения

Твои советы для меня — мученье

Напрасное. Так пощади ж меня.

Аркад

Твои мученья я зову на помощь:

Они совета злого не дадут.

Ифигения

Они мне тяжко уязвляют душу,

Но отвращенья им не превозмочь.

Аркад

Душе твоей внушает отвращенье

Вознаградить за милости царя?

Ифигения

Да, если благодетель пожелал

Не слов моих хвалебных, а меня.

Аркад

Кто склонности не чувствует, тому

Нетрудно отговорку отыскать.

Что ж, я иду оповестить владыку.

О, если бы тебе сказала сердце,

Сколь многим ты обязана царю

От первого до нынешнего дня!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Ифигения

(одна)

От речи мужа этого — совсем

Не вовремя! — перевернулось сердце

В груди моей. И вновь мне стало страшно.

Как волны рек могучих в половодье,

Вдруг затопившие вершины скал

Вдоль берегов, так захлестнула всю

Меня волна восторга: я в руках

Держала непостижное душе!

Как будто снова облако меня

Заволокло и тихо понесло

Над горестной землей и в ту дремоту

Нежданно погрузило, что богиня

Наслала на меня, когда ее

Десница увлекла меня от смерти.

Всем сердцем потянулась к брату я!

Во всем послушная советам друга,

Лишь их спасти стремилась я душой!

И как моряк спешит пустынный берег

Страны безлюдной бросить, так сквозь мглу

Мне виделась Таврида! Лишь напомнил

Мне голос мужа честного, что я
И здесь людей бросаю благородных,—
Как вдвое ненавистна стала мне
Измена! Но уймись, томленье сердца!
Ужель сомненьям буду предаваться?
Ты одиноких дум немой затвор
Должна покинуть! Вновь на корабле
Тебя качают волны! В страхе ты
Узнать не можешь мира и себя.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Ифигения. Пилад.

Пилад

Так где ж она? Как поделиться с нею
Счастливой вестью о спасенье нашем?

Ифигения

Я здесь — полна тоски, но не теряю
Надежды на спасительную весть.

Пилад

Знай, брат твой исцелен! Тропой кремнистой
На том неосвященном берегу
Мы бодро шли в беспечных разговорах,
Святылище оставив позади.

И с каждым шагом ярче и светлей

Играло пламя юности чудесной

В его кудрях и разгоралось око

Отвагой беспримерной. Всей душой

Он отдавался радостной мечте:

Спасти тебя, спасти себя и друга.

Ифигения

Благословенный вестник! Никогда

Да не раздастся с уст, вещавших благо,

Стенанье боли, жалоба тоски!

Пилад

И вот вторая весть! С окольной ратью,

Как властелин, приходит счастье к нам:

Мы и дружину нашу отыскали.

В заливе между скал, укрыв корабль,

Товарищи томились в ожиданье,

Но, чуть узрев Ореста, дружным хором

Возликовали, требуя отплыть

От берегов немилой им страны.

У каждого рука рванулась к веслам.

И, трепеща на легких крыльях, ветер

Замечен всеми, устремился к морю!

Так поспешим же! Проводи пришельца

К святилищу богини! Дай ему

Благоговейно к цели прикоснуться

Паломничества нашего! Один

На плечи крепкие я изваянье

Возьму и понесу желанный груз!

(С последними словами идет к храму, не замечая, что Ифигения не следует за ним; потом оборачивается.) Ты в страхе и сомненье? Ты молчишь?

Ты цепенеешь? Иль грозит беда

Мелькнувшему нам счастьем? Говори!

Успела ль передать ты государю

Условленные мудрые слова?

Ифигения

Успела. Но боюсь твоих упреков.

Твои вид один немым укором служит!

Явился царский вестник; я ему

Сказала все, что ты велел сказать.

Но, изумленный, он просил помедлить,

Чтобы царю известье передать

И от него услышать указанье!

И вот я жду, с чем возвратится он.

Пилад

Увы! Возобновленная беда

Парит, как встарь, над нами! Или ты

Прикрыться саном жрицы не могла?

Ифигения

Покровом сан свой не считаю я!

Пилад

Так, чистая душа, себя и нас

Погубишь ты! Как не предвидел я

Повушки этой! Как не научил

И тут умно слукавить!

Ифигения

Укоряй

Одну меня: лишь я виновна здесь.

Но что могла сказать я человеку,

Меня просившему о том, что сердце

И без того считало справедливым?

Пилад

Сгущается опасность, но и тут

Робеть не надо или неразумно

Себя же выдать недругу! Спокойно

Дождись, когда вернется царский вестник,

Но будь тверда, что б он ни говорил:

Ведь назначать обряды очищенья

Не государю, жрице подобает.

А коль захочет царь взглянуть на мужа,

Сраженного безумьем роковым,

Не допускай его, скажи, что оба

Мы в храме под запором. Дай нам срок,

Поспешно оттягав у диких скифов

Священный клад, покинуть этот край.

Нам счастье предвещает Аполлон.

Не раньше ль, чем сестра вернулась в Дельфы,

Он обещанье выполнил свое:

Орест воскрес душою. С исцеленным

Вы, ветры благостные, унесите

Нас на утес, где обитает бог.

А там — в Микены! Пусть воскреснет город,

И пусть из пепла очага родного

Восстанут лары пращуров в веселье

И вновь огнем осиротевший кров

Заблещет! Ты в светильники насыпь

Заветные священный ладан! Ты

Повсюду благодать с собой приносишь!

Ты разрешишь проклятье! Ты старинный

Украшишь кров цветами новой жизни!

Ифигения

От слов твоих перевернуло душу!

Как вслед лучу цветок головку клонит,

Так я, пронзенная бодрящим светом

Твоих речей, тянусь надежде вслед!

Нам так нужны уверенные речи

Из уст друзей! Небесной силы их

Не зная, одинокий угасает!

Как долго созревают в нелюдимо

Душе мечты и мысли! Близость друга

К решеньям побуждает нас легко.

Пилад

Прощай! Спешу оповестить друзей,

Томящихся в тревожном ожиданье!

Но я вернусь и буду знака ждать,

Таясь в кустах прибрежных возле скал.

О чем ты? Вновь по ясному челу

Скользнула тень печали непонятной.

Ифигения

Прости! Как тучи легкие под солнцем,

Так легкие заботы и боязнь

По сердцу проплывают!

Пилад

Не страшись.

Страх и опасность тайный договор

Навечно меж собою заключили.

Ифигения

Не так легко мне отогнать заботу,

Что не велит царю, отцу второму,

Ни лгать, ни похищать его добро.

Пилад

Зачем не видишь в нем убийцу брата?

Ифигения

Но от него я видела добро!

Пилад

Здесь нет вины: так требует нужда.

Ифигения

Ужель вину оправдывают нужды?

Пилад

В глазах людских и в божеских глазах.

Ифигения

Но собственное сердце не спокойно.

Пилад

Кто слишком строг, тот втайне горд душой.

Ифигения

Я не сужу, но чувство не молчит.

Пилад

Отбрось печаль. Ни в чем ты не виновна!

Ифигения

Кто не запятнан, только тот счастлив.

Пилад

Такой себя ты сохранила в храме;

Но жизнь нас учит быть не слишком строгим

К себе и к людям, — научись тому ж.

Так непонятно род людской сложился,

Так страшно он запутался в сетях,

Что и с собой, не только что с другими,

Быть чистым не удастся никому.

Судить себя? На это нас не станет!

Но видеть путь и им идти упорно —

Долг человека первый и прямой!

Мы редко ценим прошлые деянья,

А что вершим, и вовсе никогда.

Ифигения

Меня почти склонил ты речью этой.

Пилад

Склонил? Но здесь и выбор невозможен.

Один лишь путь ведет к спасенью брата,

Тебя и друга. Что тут выбирать!

Ифигения

Как мне не содрогаться? Ты и сам

Обиды не нанес бы с легким сердцем

Тому, кто был к тебе так милосерден.

Пилад

Когда погибнем мы, тебя упрек

Стократ тягчайший будет осаждать!

Знать, горьких ты не ведала потерь,

Когда не хочешь, от беды спасаясь,

И слово кривды ты произнести.

Ифигения

Зачем я не мужчиной родилась!

Не в силах я, избрав благую цель,

Замкнуть свой слух для голосовиных.

Пилад

Сомнение оставь! Железный перст

Необходимости владычит здесь,

Ее ж закону грозному и боги

Покорствуют. В безмолвии царит

Сестра судьбы, не ведая советов.

Что взвалит на тебя, то и неси!

Покорствуй ей одной! А остальное

Ты знаешь все. Я возвращусь принять

Из рук твоих благой залог спасенья.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Ифигения

(одна)

Я подчинюсь ему: грозит беда

Возлюбленному брату. Но — увы! —

Все больше я своей судьбы пугаюсь.

Так мне не убережь надежды, тайно

Взлелеянной в священной тишине?

Не снять с себя проклятья? Иль никак

Дом Тантала для жизни не воскреснет

Благословенной? Исчезает все:

И страсти отмирают, и величье

Идет на убыль. А проклятье — нет?

Так я напрасно здесь, в святом затворе,

В разлуке с кровом отчего дворца,

Надеялась очистить дом Атридов

От древней скверны чистыми руками?

Едва в моих объятьях брат любимый

Был от недуга дивно исцелен,

Едва приплыл корабль многожеланный

Меня нести к родимым берегам,
Как вот уже Нужда глухая хочет
Железною рукой вину двойную
Взвалить на сердце, требуя похитить
Святое изваянье, мне страной
Доверенное, и солгать тому,
Кто дал приют изгнаннице злосчастной.
О, только б не взошла в груди моей
Воскреснувшая ненависть титанов,
Былых богов, низвергнутых с небес,
К вам, олимпийцы! Не когтила б сердце
Без устали! Спасите же меня
И образ ваш в груди многострадальной!
В моих ушах звучит старинный лад,
Казалось бы, забытый так давно.
То песня парок, что они пропели
Над Танталом, поверженным во прах.
Они титану сострадали: гневен
Был голос их, ужасен песни звук.
Ее кормилица певала в детстве
Мне и сестре — припомнилась она:

«Пусть люди боятся
Всесильных богов.
Владычить над миром
Они не устанут
И вечной десницей
Расправу творят.
Вдвойне да боится
Обласканный ими!
На скалах и тучах
К столу золотому
Придвинуты ложа.
Чуть спор разгорится,
И гостя низринут
С позором и срамом
В ночные стремнины;
И там он томится
В напрасных надеждах

На суд справедливый.

А боги пируют,

Не ведая горя,

За трапезой вечной.

Беспечно шагают

По горным вершинам;

Из мрачных обрывов

Доходит зловонье

Погибших титанов,

Как запахи дыма

От жертвы кровавой.

Отводят владыки

Свой взор милосердный

От целого рода,

Не видят во внуках

Любимые прежде,

Молящие тихо

О счастье черты».

Так плакали парки;

Их слушал страдалец,

Низринутый в бездну,

И думал, злосчастный,

О детях, о внуках

И тряс головой».

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Фоант. Аркад.

Аркад

В смущенье сознаюсь: все не решу,

Куда направить розыски свои?

Не сами ж пленники в предсмертный час

Задумали побег? Иль жрица им

Пособница? Разносится молва,

Что где-то здесь, среди прибрежных скал,

Скрывается неведомый корабль.

Безумье узника и этот странный

Обряд, затеянный для промедленья,

К сугубой осторожности зовут.

Фоант

Пусть скажут жрице, чтобы шла ко мне!

Вы ж, ратники, общарьте берега

От скал прибрежных до священной рощи.

Святыню пощадите, но дозор

Держите крепко. Изловите их,

Где б ни скрывались! Понял? Так иди!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Фоант

(один)

Ужасная в груди клокочет злоба —

И на нее, кого я мнил святой,

И на себя — ведь я ее толкнул

На путь измены лишним снисхождением.

Отлично привыкает человек

К неволе и смиренью, коль его

Лишают всей свободы. Попадись

Она моим жестокосердным предкам

И избеги священного ножа,

Она б себя счастливицей считала!

Избегнув смерти, славилась б судьбу

Свою и не чинилась бы пролить

Чужую кровь на алтаре, считая

Обычай — долгом! Милостью моей

В ней поощрил я дерзкие мечты!

Напрасно я стремился к браку с нею,

Она своею жизнью хочет жить...

Мне сердце лестью оплела она,

А чуть что не по ней, уже идет

На ложь и хитрость. Что ей моя милость?

Привычная, положенная дань!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Ифигения. Фоант.

Ифигения

Ты звал меня? Что хочешь мне сказать?

Фоант

Ты жертву отложила? Почему?

Ифигения

Я все Аркаду точно разъяснила.

Фоант

Но я хочу услышать от тебя.

Ифигения

Богиня срок дает тебе подумать.

Фоант

Тебе он, видно, нужен, этот срок?

Ифигения

О, если кровожадный приговор

Твой неизменен, ты пришел напрасно.

Жестокий властелин всегда найдет

Усердных слуг, за милость и за мзду

С ним разделить проклятие готовых.

Ведь государя не пятнает грех,

И смерть в его устах — как темень тучи.

Уже спешат приспешники огонь

Несчастному на голову обрушить,

А властелин проносится по небу

Под грохот грома, недоступный бог.

Фоант

Ты жрица, а в словах твоих — мятеж!

Ифигения

Не жрица, только дочь Агамемнона.

Безвестной деве покорялся ты,

А над царевной властвуешь? Так нет!

Я с детских лет привыкла подчиняться

Сперва родителям, потом богине,

Но, и смиряясь, душу почитала

Свою свободной. Быть рабою слова

Жестокого, мужскому злодеянью

Покорствовать не научилась я.

Фоант

Не я повелеваю, а закон.

Ифигения

Мы на закон ссылаемся охотно,

Когда он вторит пагубным страстям.

Другой закон, древнейший, мне велит

Тебе противоборствовать: согласно

Ему, любой прищелец свят.

Фоант

Должно быть, очень по сердцу тебе

Пришельцы эти? В горестной тревоге

Забыла первый ты закон рассудка,

Что раздражать не следует царя.

Ифигения

И если даже я смолчу, — ты знаешь,

Чем сердце переполнено мое.

И в черствой-то душе воспоминанья

О сходной доле жалость пробуждают,—

Стократ в моей! Я вижу в них себя:

Вот так же я пред алтарем дрожала,

Торжественная осеняла смерть

Меня, склоненную! Вот нож блеснул,

Направленный в трепещущее сердце!

И вздыбилась душа в предсмертной муке,

И помутился взор! Но я спаслась.

Ужель такую ж милость оказать

Мы не должны многострадальным людям?

Меня ты знаешь, а чинишь насилье.

Фоант

Не государю — службе подчинись!

Ифигения

Оставь! Достоин ль улащать насилье

Над бедной женщиной? Я родилась

Не менее свободной, чем мужчина.

Когда бы внука грозного Атрида

Ты к недостойным принуждал делам,

Он, верно, отстоял бы право сердца

Мечом и неослабною рукой.

Я защищаюсь словом. Честный муж

Не презирает женского оружия!

Фоант

Я больше чту его, чем меч Ореста.

Ифигения

Судьба мечей изменчива бывает!

Для мудрых нет ничтожного врага.

И слабого пред злобой и насильем

Природа беззащитным не оставит.

Она его лукавству научает,

Искусству обходить и избегать.

Насильник эти козни заслужил!

Фоант

С их кознями покончит осторожность.

Ифигения

Ее отвергла чистая душа!

Фоант

Ты приговор сама себе выносишь!

Ифигения

Когда б ты знал, как борется душа,

Как страстно хочет натиск отразить

Лихой судьбы, меня сгубить готовой!

Так безоружна я в борьбе с тобою?

Мою мольбу, пленительную ветвь

(В руках безвинной женщины она

Сильней меча!), ты хочешь оттолкнуть?

Чем защищу я достоянье сердца?

Иль только чудо оградит меня

И силы нет в моей душе усталой?

Фоант

Я вижу, этих пленников судьба

Тебя страшит безмерно. Кто они,

Кого твой дух так страстно защищает?

Ифигения

Они... Я греками считаю их!

Фоант

А! Земляки! И, видно, удалось

Им воскресить в тебе мечту о доме?

Ифигения

Иль право на неслыханное только

Мужам дано? И лишь они вольны
Держать судьбу в тисках необоримых?
Что звать величием? Что не перестанет
Неугомонно вдохновлять певца?
О, только ли, когда смельчак берется
За дело небывалое, когда,
В успех не веря, на уснувший лагерь
Он ночью нападает, как гроза,
Разя нещадно спящих и неспящих,
А там, отброшен осмелевшей ратью,
На вражеском коне летит назад
С добычею? Лишь тех поют, кто путь
Отверг надежный и в горах лесистых,
Кочуя по неведомым тропам,
Разбойников бесстрашных истребляет?
Так подвиг нам заказан? Иль должны
Мы, позабыв о женском добронравье,
Как амазонки дикие на диких,
С мужским мечом идти на вас, чтоб кровью
За унижение отплатить? В душе
Не угасает смелая надежда!
Я не избегну тяжкого укора
И тяжких бед, коль ошибусь в расчетах,
Но предаюсь вам, боги! Если вы
Правдивы, как гласит молва людская,
Так помогите мне! Прославьте правду
Через меня! Послушай, государь!
Здесь тайный затевается обман.
Напрасно ты о пленных вопрошаешь —
Их в роще нет! Они друзей скликают,
Их в бухте ждет припрятанный корабль!
Тот, старший, на кого напал во храме
Недуг, теперь оставивший его,—
Мой брат Орест, а тот, другой, — наперсник
Его и друг, по имени Пилад.
Их Аполлон послал на берег этот
Из древних Дельф; он строго наказал
Дианы изваяние похитить

И отвезти сестру к нему; за это

Бог обещал освободить Ореста,

Убийцу матери, от евменид.

И вот судьбу последних двух Атридов

Кладу в твои я руки, государь!

Губи, коль смеешь, нас!

Фоант

Ты мнишь, суровый

И дикий скиф услышит голос правды

И человечности, Атреем, греком,

Отвергнутый?

Ифигения

Его услышит всякий,

Под чьим бы небом ни родился он,

В ком бьет источник жизни и любви

Незамутненный! Что же ты молчишь?

Что в глубине души своей решаешь?

Погибель! Так рази меня сперва!

Я сознаю теперь, когда спасенья

Нам больше нет, ужасную беду,

В которую я бросила любимых,

Безумная! Ведь на моих глазах

Их свяжут! Так какими же словами

Я провожу возлюбленного брата,

Погубленного мной? Я никогда

Уж не взгляну в любимое лицо!

Фоант

Так вот в какие сети залучили

Затворницу лукавые лжецы!

И ты поверила их измышленьям

Доверчивой душой?

Ифигения

Нет, царь мой, нет!

Пусть обмануть меня легко, но эти

Правдивы и чисты. Когда другими

Ты их найдешь, казни их, а меня

За простоту мою сошли на берег

Суровой, неприветливой страны,
Но если этот муж — столь долгожданный
Любимый брат, тогда нас отпусти;
Будь и ему, как прежде мне, защитник!
Отец мой был убит рукой жены,
Она — рукою сына. Все надежды
Лежат на нем, последнем из Атридов!
Дай с чистым сердцем, с чистою рукой
Отплыть мне и очистить дом родимый!
Ты сдержишь слово! В час, когда к любимым
Мне возвратиться будет суждено,
Ты клялся уступить мне! Час настал.
Цари не станут, как простые люди,
Притворно соглашаться, чтоб проситель
Ушел на время! Не к лицу владыке,
Не веря в исполнение, обещать.
Царь лишь тогда не умаляет сана,
Когда просящего счастливит он.

Фоант

Как борется огонь, с водой встречаясь,
И уничтожить силится врага,
Шипя в изнеможенье, так в груди
Мой гнев с твоими борется словами!

Ифигения

Пусть милость воссияет, как святой
И тихий пламень жертвоприношенья,
Хвалой и ликованьем окружен!

Фоант

Как часто покорял меня твой голос.

Ифигения

В знак примиренья протяни мне руку.

Фоант

Ты в малый срок о слишком многом просишь!

Ифигения

Для добрых дел не надо промедленья!

Фоант

Нет, надобно. Злом сменится добро!

Ифигения

Сомненья в зло добро преобразают.

Не рассуждай, а сердцу покорись.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Орест, вооруженный. Те же.

Орест

Удвойте стойкость! Задержите их

Хотя б на малый срок! Не уступайте

Их натиску! Прикрыть дорогу к судну

Мне и сестре!

(К Ифигении, не видя царя.)

Мы преданы. Не медли!

Бежим! Минуты на счету! Скорей!

(Замечает царя.)

Фоант

(хватаясь за меч)

Наказан будет всякий, кто дерзнул

Меч обнажить передо мной!

Ифигения

Святыню

Не оскверните кровью и враждой!

Уймите ваше войско! Подчинитесь

Сестре и жрице!

Орест

Кто он, говори,

Нам угрожающий?

Ифигения

Ты в нем почти

Царя, мне ставшего вторым отцом!

Прости мне, брат! Но женская душа

Ему доверчиво вручила судьбы,

Мою и вашу! Я во всем открылась

И душу от измены сберегла.

Орест

Так нас с тобою он отпустит с миром?

Ифигения

Твой грозный меч мне не дает ответить!

Орест

(влагая меч в ножны)

Теперь скажи! Ты видишь: я покорен!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же. Пилад. Вслед за ним Аркад. Оба с обнаженными мечами.

Пилад

Не медлите! Мы напрягаем силы

Последние! Под натиском врага

Мы постепенно к морю отступаем!

Что вижу я? Беседу государей?

Чту венценосца доблестной страны!

Аркад

Спокойно, как царю и надлежит,

Стоишь ты пред врагами! Но сейчас

Мы дерзких покараем! Отступает

Их шайка, и корабль пришельцев — наш!

Дай знак — и мы зажжем его!

Фоант

Ступай!

Останови дружину! Пусть не тронет

Никто врага, пока мы говорим!

Аркад уходит.

Орест

Да будет так! Сзывай, мой верный друг,

Остаток войска! Мирно дожидайтесь,

Какой исход борьбе готовят боги.

Пилад уходит.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Ифигения. Фоант. Орест.

Ифигения

Уймите, приступив к переговорам,

Мои волненья! Распри я страшусь,

Коль ты, мой царь, отвергнешь справедливость,

Ее молящий голос, ты, мой брат,

Не одолеешь юности своей.

Фоант

Я гнев уйму, как старшим подобает

При встрече! Отвечай! Чем доказать

Ты можешь, что отец твой — Агамемнон

И что она сестра тебе?

Орест

Вот меч

Его, троянцев поразивший! Снял

Его с Эгисфа я, прося всевышних

Мне даровать былую мощь, и счастье,

И доблесть богоравного царя,

А также смерть, достойную героя!

Из благородных латников твоих

Дай мне с одним скрестить мое оружие!

Везде, где есть герои на земле,

В сей просьбе чужестранцу не откажут.

Фоант

Такого права пришлым не дает

Старинный наш обычай.

Орест

Пусть начнется

Обычай новый от обоих нас.

И позже, в подражанье государю,

Народ твой подвиг возведет в закон.

Дай биться мне не за одну свободу,

А за судьбу всех пришлых, всех гонимых.

Коль я паду, судьба моя да будет

Судьбою их; но коль сподоблюсь я

Победы славной, пусть на берег ваш

Не ступит чужеземец, не увидев

Гостеприимной ласки, не уйдет

Отсюда неутешенный домой.

Фоант

Ты, юноша, достоин, мнится мне,

Высоких предков, названных тобою.

Мужей немало доблестных и честных

Среди моих дружинников, но я,

Хоть стар годами, сам с врагами бьюсь.

Ну что ж, давай оружие попытаем.

Ифигения

Нет, никогда! Здесь доводов кровавых

Не надо! Не беритесь за мечи!

Подумайте об участи моей!

Венчает мужа быстротечный бой:

Он пал, и мир поет ему хвалу!

Но не считает бесконечных слез

Оставшейся, покинутой жены

Потомство, и поэты не поют

Про дни и ночи плача и стенанья,

Когда душа осиротевшей — друга,

Так быстро отошедшего, позвать

Напрасно силится в немой тоске!

Верь, и меня забота осаждает:

А вдруг обманом захотел пират

Мной завладеть, чтобы продать в неволю

Тягчайшую? Упорно и прилежно

Допытывалась я вернейших знаков —

Искала и уверилась вполне.

Вот посмотри: родимое пятно —

Как три звезды. Оно со дня рожденья

Мне памятно. Я твердо знаю, жрец

Истолковал его как тяжкий подвиг,

Сужденный брату. Но еще сильней

Меня уверил в том рубец, рассекший

Вот эту бровь. Орест младенцем был,

Когда его ударила Электра

В порывистой поспешности своей

О бронзовый треножник. Это — он.

Прибавить ли к приметам опознания

Еще и сходство дивное с отцом

И ликование сердца моего?

Фоант

И если ты рассеешь все сомненья

И я смирю свой неослабный гнев,

Нас и тогда рассудит только лязг

Мечей нещадных, — миру не бывать.

Они пришли, ты говоришь сама,

Похитить изваяние Дианы.

Ты думаешь, я это потерплю?

Не в первый раз высматривают греки

Богатство в чужедальной стороне:

О золотом руне, о конях, девах

Кто не слышал? Но, помнится, добыча

Не всякий раз давалась в руки им!

Орест

Нас изваянье не должно поссорить!

Мы наважденье поняли, что бог

На нас наслал, запорошив нам очи,

Когда направил нас в далекий край.

Я избавленья у него просил

От гневных еврипид. И Феб сказал:

«Когда сестру, что против воли в храме

На берегу Тавриды пребывает,

На родину вернешь, падет проклятье».

Мы думали, что речь шла о Диане,—

Бог разумел тебя! Оковы пали

Суровые: ты возвратилась в лоно

Своей семьи. Я исцелен тобой,

Пречистая. В твоих руках схватила

Меня болезнь жестокими когтями

В последний раз, ужасно сотряся

Мой бедный мозг, но уползла тотчас,

Как змей в пещеру ада. Ты, святая,

Мне вновь даешь сияньем дня упиться.

Во всей красе и блеске вижу я

Здесь божий промысел. Как изваянье,

С которым, по решению олимпийцев,

Родного града связана судьба,

Она тебя, заступницу Атридов,

Спасла от скверны, сберегла от бед,

На благо брату и родному крову.

Когда, казалось, не было спасенья

На всей земле, ты все мне возвратила.

Могучий царь! Склонись душою к миру!

Не помешай ей довершить обряда,

Очистить прародительский дворец.

Дай ей вернуть меня под кров священный,

Мне на чело надеть венец державный!

Воздай добром за всю ее любовь!

Пойми, мой царь, что наш союз древнее.

Насилье, ложь — все, чем гордимся мы,

Правдивостью ее души высокой

Посрамлены, высокое доверье

К мужскому сердцу одолело зло.

Ифигения

Ты обещал. Бесхитроственному слову

Из благородных уст подвигнуть дай

Себя на подвиг! Государь! Не часто

Дается людям повод для таких

Высоких дел! Спешి творить добро!

Фоант

Что ж — в путь!

Ифигения

Нет, царь мой. Без благословенья

И во вражде с тобой не разлучусь!

Не изгоняй нас! Пусть гостеприимство

Царит меж нами: так мы не на веки

Разлучены с тобою. Дорог мне

Ты, как отец мой, славный Агамемнон,

И это чувство в сердце не погаснет!

Ничтожнейший из подданных твоих

Чуть донесет до слуха моего

Знакомый звук далекого наречья,

Последний нищий, что одет, как вы,—

Я встречу их, как вестников небес,

Собственноручно постелю им ложе,

Их усажу у очага родного

И не устану вопрошать с любовьюю

Лишь про тебя. О, пусть тебе благие

За милости и подвиг воздадут!

Прощай же! Оглянись на нас! Скажи

Приветливое слово на прощанье —

И ветром напрягутся паруса,

И слезы благодатные польются

Из наших глаз! Прощай! Дай руку мне

В залог вовеки нерушимой дружбы!

Фоант

Счастливым путем!

Комментарии

По словам Гете Римеру, одному из его секретарей, замысел «Ифигении» возник у поэта в 1776 году, вскоре после его приезда в Веймар. Работа над драмой происходила, однако, значительно позднее — в 1779 году. Видимо, замысел полностью созрел и Гете продиктовал «Ифигению» между 14 февраля и 28 марта 1779 года. В первоначальном виде драма была написана ритмизированной прозой. Уже 6 апреля она была сыграна в любительском исполнении: Ифигению играла актриса Корона Шретер, Ореста — сам Гете, Пилада — принц Константин, Фоанта — приятель Гете Кнебель, Аркаса — секретарь консистории Зейдлер. Исполнитель Пилада оказался слабым, и начиная с третьего спектакля эту роль исполнял (не более удачно) сам герцог Веймарский Карл-Август. Сцена узнавания Ифигении и Ореста была запечатлена на полотне художником Г.-М. Краусом. Г.-Ф. Хуфеланд, видевший одно из первых представлений, писал впоследствии в мемуарах: «Я никогда не забуду впечатления, которое произвел Гете как Орест в греческом костюме на представлении его «Ифигении»; можно было подумать, что видишь самого Аполлона. Никогда еще не бывало такого сочетания физического и духовного совершенства и красоты в одном человеке...» Судя по портретам и картине Крауса, Корона Шретер была достойной партнершей поэта.

Гете не был, однако, удовлетворен драмой и смотрел на нее лишь как на набросок. Когда руководитель Мангеймского театра попросил у него текст, Гете ответил, что в своем настоящем виде пьеса годится только для любительской сцены. По его мнению, драме не хватало гармонии стиля. Он принялся за обработку написанного, состоявшую вначале в том, что ритмическую прозу первого варианта он разбил на неравные стихотворные строки. Сохранилась рукопись этой переработки, датируемая 1780 годом. В следующем году Гете продолжил работу над текстом. Гердер и Виланд, знавшие прозаический вариант, настойчиво советовали переложить всю пьесу в классический пятистопный ямб. За осуществление этой задачи Гете взялся только во время пребывания в Италии, куда он захватил с собой рукопись. В январе 1787 года он отправил в Веймар драму уже в том окончательном виде, в каком она в том же году появилась в печати в томе 3 «Сочинений» (восьмитомное издание). В специальных научных изданиях опубликованы сохранившиеся четыре варианта, отражающие разные стадии работы Гете над этим произведением. Они свидетельствуют о том, что основа сюжета, характеры и идея четко определились с самого начала. Длительная работа преследовала цель такой стилистической и стихотворной шлифовки текста, которая полностью отвечала бы замыслу — провести идею гармонии в самой форме произведения. Именно эта центральная мысль характеризует «Ифигению в Тавриде», одно из совершеннейших творений Гете. Своеобразие этого произведения особенно обнаруживается при его сопоставлении с трагедией «Гец фон Берлихинген». Если «Гец» — наиболее полное выражение в драме идей и поэтики «Бури и натиска», то «Ифигения» — воплощение поэтики и мироощущения, характерных для классицизма Гете. Перелом в мировоззрении поэта происходил постепенно, подчас мучительно, и это отразилось в длительной работе над «Ифигенией».

История Ифигении по-разному обрабатывалась писателями уже в античную эпоху. Из нескольких древнегреческих произведений на этот сюжет сохранились трагедии Еврипида «Ифигения в Авлиде» и «Ифигения в Тавриде». Различные варианты мифа получили обработку также в близкое к эпохе Гете время. Особенно следует выделить среди них оперы на этот сюжет сначала итальянца Томмазо Тратта и затем прославленного композитора К.-В. Глюка, чья «Ифигения в Тавриде» (1779) имела большой успех.

Число драматических обработок истории Ифигении в XVII–XVIII веках было довольно велико. Более ранний эпизод мифа — «Ифигения в Авлиде» — был обработан Расином. Менее значительным явлением в искусстве была драма Жозефа де ла Гранжа «Орест и Пилад, или Ифигения в Тавриде» (1697). В Германии Иоганн Элиас Шлегель обработал тот же сюжет в пьесе «Брат и сестра в Тавриде» (1739), другой немецкий писатель Ф.-В. Готтер написал трагедию «Электра и Орест» (1772). Трагедия «Орест» (1750) была также написана Вольтером.

В какой мере Гете был знаком с предшествующими обработками сюжета, судить трудно. Он, конечно, знал трагедию Еврипида, но сам признавался: «Я написал мою «Ифигению» после изучения греческих материалов, которое, однако, не было достаточным. Если бы оно было более совершенным, пьеса осталась бы ненаписанной». («Сообщения о Гете» его секретаря Ф.-В. Римера). Тем не менее знакомство с мифологической основой трагедии необходимо для ее понимания.

Царь Аргоса Агамемнон прогневил богиню Артемиду, которая в отместку наслала враждебные ветры, помешавшие отплытию греческих кораблей для участия в осаде Трои. Тогда Агамемнон, чтобы умиловать богиню, решил принести ей в жертву свою дочь Ифигению. Но Артемиду заменила девушку ланью, а Ифигению унесла в Тавриду, сделав ее там жрицей посвященного ей храма. Эта часть мифа послужила основой для трагедии Еврипида «Ифигения в Авлиде».

В то время как Агамемнон воевал в Трое, его жена Клитемнестра сблизилась с Эгисфом. После падения Трои Агамемнон вернулся, но тут же был предательски убит своей женой. Этот сюжет составил действие трагедии Эсхила «Агамемнон». Сын Агамемнона и Клитемнестры Орест, мстя за отца, убил свою мать («Хоэфоры» Эсхила). За это Ореста преследуют мстительные эринии, но его спасает от них сама богиня Афина-Паллада («Эвмениды» Эсхила).

Однако не все эринии примирились с прощением Ореста. Спасаясь от них, он бежит в Дельфы и скрывается в храме Аполлона. Аполлон велит ему ехать в далекую Тавриду и привезти оттуда священное изображение богини Артемиды. С этой завязки начинается трагедия Еврипида «Ифигения в Тавриде». Богиня Артемиды спасла Ифигению от смерти и перенесла в далекую Тавриду (ныне Крым), населенную дикими варварами, где Ифигения становится жрицей храма в честь этой богини. У тавров существует жестокий закон — всех чужеземцев, появляющихся в их стране, предавать смерти, принося их в жертву богине Артемиде. Приплывших в Тавриду Ореста и Пилада схватывают пастухи и приводят к Ифигении с тем, чтобы она принесла их в жертву Артемиде. Ифигения спрашивает Ореста, откуда он родом, затем узнает от него о судьбе Трои (уже двадцать лет живет она в Тавриде и не знает о том, что произошло на ее родине). Орест рассказывает ей также о гибели Агамемнона от руки Клитемнестры и о смерти Клитемнестры от руки сына. Выяснив, что ее брат жив, Ифигения просит, чтобы один из пленников отвез ему ее письмо, другой же останется, чтобы пасть жертвой. Затем она убеждается о том, что один из чужеземцев ее брат Орест. Теперь Ифигения готова на все, чтобы спасти обоих чужеземцев — брата и его друга. Она берется также помочь Оресту в выполнении его задачи — похитить и увести статую богини Артемиды. С этой целью Ифигения уговаривает царя Тавриды Фоанта, что надо отвести чужеземцев на берег моря и смыть с них кровь, ибо один был убийцей матери, а другой помогал ему в этом. Обманутый царь разрешает проделать это; Ифигения, Орест и Пилад пользуются случаем, чтобы бежать на корабле Ореста, но морские ветры прибивают корабль обратно к берегу. Все трое погибли бы от гнева Фоанта, но тут появляется богиня Афина, и, повинувшись ей, Фоант освобождает пленников и разрешает им вернуться на родину.

Гете сохранил основу античной фабулы, но многое изменил в общем характере сюжета и в той атмосфере, которая окружает действующих лиц. Греческая трагедия была проникнута религиозно-культовыми мотивами, сохранявшими силу даже у такого вольнодумца, каким современники считали Еврипида. В его произведении еще сильны веления богов, проклятия, власть судьбы. У Гете эти мотивы значительно смягчены, как смягчен контраст между варварами Тавриды и цивилизованными греками.

Трагедия Еврипида драматична и театральна, это одно из самых богатых действием творений античной драмы. Гете в значительной мере снимает внешнюю динамику, перенося центр тяжести на переживания и душевные движения. Его героиня Ифигения — воплощение того идеала гуманности, который Гете утверждал как высшую нравственную основу жизни. Она пример высоких и чистых чувств. В критике давно признано, что прототипом для Ифигении послужила возлюбленная Гете в первые десять лет веймарской жизни — Шарлотта фон Штейн. Она оказала «цивилизующее» влияние на молодого «штюрмера» и бунтаря, каким Гете явился в Веймар, не только прививая ему хорошие манеры, но и дисциплинируя его духовно. Автобиографическое начало заметно и в образе Ореста. Античный мотив одержимости, преследования его эриниями заменен у Гете душевными муками. Еврипидовский Орест был жертвой терзаний, наложенных на него свыше и извне, герой Гете мучим внутренним сознанием вины. Гармоничная и чистая Ифигения оказывается целительницей душевных мук брата. В трагедии Еврипида Ифигения пыталась спасти брата посредством обмана. У Гете финал имеет другой характер: Ифигения не хитрит и не лжет, она прямо рассказывает все Фоанту, взывает к его разуму, благородству и милосердию. Так же как она очистила душу брата, так возвысила она духовно и Фоанта, подвигнув его на благородный поступок.

«Ифигения в Тавриде» — образец творчества Гете послештюрмерского периода. Поэт достиг здесь той гармонии, которую он стал теперь считать высшей нормой человеческой личности. Но героиня Гете не является воплощением реально достигнутой в жизни гармонии, она — лишь воплощение идеала, к которому Гете призывает людей стремиться. Хотя драма закапчивается примирением всех противоречий, сам Гете был далек от того, чтобы признать это действительным и осуществимым, о чем ясно свидетельствует его следующая драма «Торквато Тассо».

Диана — римская богиня, отождествляемая с греческой Артемидой. Гете не придерживался строгого разграничения греческих и римских мифологических имен. Строгая, Диана. — Гете намекает на то, что Диана была богиней целомудрия.

...проклятье древнее... — Предок Ифигении Тантал за непослушание богам был свергнут с Олимпа и обречен проклятию. Оно сказалось на судьбе его сыновей Атрея и Фиеста, враждовавших друг с другом, а также и в следующем поколении, ибо отец Ифигении Агамемнон — сын Атрея.

...Столь гибельный для прочих чужеродцев. — Аркад намекает на обычай тавров приносить чужеземцев в жертву богине Артемиде.

...Для обновленного тобой парода? — Ифигения, по Гете, оказала облагораживающее воздействие на жителей Тавриды.

Стан мощный и пытливый ум титанов... — Гете неточен, приписывая Танталу и его потомкам качества титанов, восставших против богов.

Уже Пелопс... — Здесь и далее Ифигения рассказывает подробности историй потомков Тантала, над которыми тяготело проклятие.

...наследственное право // На Зевсов стол... — Тантал был приглашен к трапезе богов Олимпа и вкушал пищу вместе с Зевсом.

...Отказывал я в древних приношеньях. — Под влиянием милосердной Ифигении Фоант прекратил казни чужеземцев.

Дева-заступница — то есть Диана, спасающая Ифигению.

...как всем Атридам... — Атриды — потомки Атрея.

...И злой и добрый, каждый за свои // Поступки получает воздаянье. — Гете вкладывает в уста Пилада мысль об ответственности каждого за свои поступки, опровергая религиозную идею проклятия, накладываемого богами на весь род.

Когда сестру вернешь ты Аполлону // И будет в Дельфах чтить ее народ... — Орест и Пилад поняли предсказание оракула в том смысле, что они должны вернуть в Дельфы сестру Аполлона — Диану, то есть ее статую, с тем чтобы поставить ее в дельфийском храме. На самом деле имелась в виду сестра Ореста. На двусмысленности предсказания основан и ряд дальнейших речей о «сестре».

...Ты завершишь деянье фурий... — Римские фурии — то же, что греческие эринии. Пилад имеет в виду, что, идя на смерть, Орест сам сделает то, чего желают преследующие его фурии.

Я слышу речь Улисса. — Улисс — Одиссей славился своей хитростью. Орест обвиняет Пилада в том, что он хитрит.

Опасную дарую я свободу... — Оковы снимали с пленника перед тем, как принести его в жертву богине.

Из Крита мы, Адрастовы сыны... — Пилад хитрит и рассказывает выдуманную историю.

Паламед, Аякс — греческие герои, упомянутые в «Илиаде» Гомера.

...вместе с ложем, ведомым ему. — Имеется в виду, что Эгисф взошел на ложе Клитемнестры еще до того, как стал ее мужем.

Или тот же рок // Его окутал неводом Аверна? — Аверн — озеро в Италии близ г. Кумы — считалось входом в Аид, подземное царство смерти.

Электра — сестра Ифигении и Ореста, выведена в «Хозфорах» Эсхила и «Электре» Софокла, а также одноименной трагедии Еврипида.

Далее в рассказе Ореста события изложены так, как они освещены в мифах, послуживших сюжетом этих трагедий.

...дочерям подземной ночи... — Имеются в виду богини-мстительницы эринии (фурии).

Ахеронтов дым. — Ахерон (Ахеронт) — подземная река, через которую души умерших переправлялись в загробный мир; над ее поверхностью, согласно мифам, клубились пары, подобные дыму.

...вправе сеять смерть, они ступают // На луг... — Эринии обитали в загробном мире, им было запрещено покидать его, за исключением тех случаев, когда они должны были мстить преступникам и убийцам.

Свадебный наряд Креузы. — Когда Язон, герой древнегреческих мифов, покинул Медею, чтобы жениться на Креузе, Медея послала ей в подарок пропитанный ядом свадебный наряд; надев его, Креуза сгорела.

Хочу, как Гераклес... — Геракл (Геркулес) умер от того, что его жена Деянира, опасаясь измены, прислала ему отравленную одежду.

Лизй — одно из имен бога вина Вакха. Орест сравнивает возбуждение Ифигении с экстазом опьяненных вакханок.

...с вершин Парнаса // Светлей не льется плещущий ручей... — Имеется в виду Кастальский ручей, чья вода была особенно чистой и считалась вдохновляющей поэтов.

Сюда, немирный дух! — То есть дух Клитемнестры.

Евмениды — то же, что эринии, богини мести.

...с Фиестом // Ведет Атрей душевную беседу, // И мальчики резвятся возле них. — Эту воображаемую идиллическую картину следует сопоставить с преданием, которое гласило, что Атрей убил сыновей Фиеста и угостил его их мясом.

Страждет богоподобный? — Имеется в виду Тантал, испытывающий вечные муки.

Ирида — богиня радуги, соединявшая небо и землю, богов и людей.

...На том неосвященном берегу... — Эринии по могли ступить на освященную землю; то, что они даже на неосвященной земле не подступили к Оресту, Пилад считает благоприятным знаком.

Лары пращуров — то есть духи предков; лары в римской мифологии боги-хранители дома и семьи.

...О золотом руне, о конях, девах // Кто не слышал? — Имеется в виду сказание о походе аргонавтов за золотым руном, во время которого они испытали много приключений, в частности, боролись с девушками-воинами амазонками, и ряд других греческих сказаний о похищении коней Гераклом, о похищении скифских дев и др.

А. Аникст